

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Законы войны

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Законы войны / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2014 — (Бремя империи)

Афганистан... В XXI веке он стал частью Российской империи, но так и не смог обрести покой. Даже усмирителю мятежного Ирана адмиралу князю Воронцову не удалось одним ударом разрубить афганский узел. Прекрасно задуманная контртеррористическая операция в Карачи обернулась кровавой трагедией, и Воронцов взял вину на себя, покинув пост Наместника Его величества. Но не покинув Афганистан. Теперь он лично руководит глубоко законспирированной спецгруппой, ликвидирующей главарей афганских душманов и их иностранных кукловодов. Кто кого – ас тайной войны князь Воронцов или союз британской разведки и исламского терроризма?

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Территория под контролем Российской Империи	6
Территория под контролем Российской Империи	11
Территория под контролем Российской Империи	15
Территория под контролем Российской Империи	17
Территория под контролем Российской Империи	29
Аравийское море	38
Порт Карачи	43
Аравийское море	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Афанасьев Отягощенные злом. Законы войны

Я с бедой на плечах доползу до дороги,
Умереть – ничего, если выпить немного.
Но мешает уйти от тебя
Наше Я.
Где опасности бред, там живые могилы.
Нас за верность их лет поднимают на вилы.
Этой осенью платим за свет.
Пляшем на виражах, повороты веками,
И никому нет конца, даже тем, кто не с нами.
Наша песня с тобой в облаках.
И пока ничего, ничего не случилось.
Я вчера еще помнил, что жизнь мне приснилась.
Этой осенью стала она...
И если вокруг – одно лихо,
И если кругом слишком тонко,
Люби всех нас, Господи, тихо,
Люби всех нас, Господи, громко,
Люби всех нас, Господи...

ДДТ

Территория под контролем Российской Империи

Порт Карачи

Операция «Архангел»

11 августа 2016 года

Точка встречи была назначена у северного вокзала Карачи, теперь полупустого, рядом с Синдским правительственным госпиталем, переименованным в Собственный, Его Императорского Величества госпиталь имени Павла Второго Романова ¹. Место шумное, бойкое. Северный вокзал – теперь и вовсе очень опасное место: междугородных поездов больше нет, единственный номер поезда, который там ходит, – «циркулярный», который обслуживает кольцевую дорогу, проложенную англичанами в Карачи, когда она обозначала границы города, но теперь город шагнул намного дальше их. Еще одна дорога была на Гвадар, но по ней ходили только грузовые поезда. Русские военные инженеры уже вели, напрягаясь изо всех сил, две ветки тяжелой железной дороги из Захедана, через Кандагар, давая тем самым Афганистану первую железную дорогу в своей истории, но до ее завершения оставался как минимум год ². А пока северный вокзал, или, как его называли, «Северное депо», был довольно опасным местом, полным бродяг, грабителей и убийц...

Борецков нервничал, потому что это было его первое по-настоящему серьезное боевое задание. Как они это называли – задание «с глубинным погружением». Да, он не раз и не два участвовал в настоящих боевых вылетах, но это все было не то. Там ты садишься в вертолет и летишь, часто не зная куда. Потом вертолет зависает, командир отдает приказ – и ты через несколько минут оказываешься на крыше дома, который надо захватить и зачистить, или рядом с ним. И ты это делаешь – как тебя учили. Иногда к цели выдвигались на машине или на машинах, но всегда за рулем были старшие товарищи... и вообще – рядом кто-то всегда был. Эти операции занимали день, максимум два, ты делал дело и возвращался на базу. А тут он был предоставлен сам себе на несколько дней – как будто его выпихнули из самолета на большой высоте. И он должен сделать все правильно, если хочет, чтобы у него раскрылся парашют...

И еще – впервые за все время – он должен был работать «на обеспечении», то есть от его действий будет зависеть успех работы всей оперативной группы. Это было первое его «обеспечение» – и он нервничал. Хотя учил до потемнения в глазах и пушту, и дари, и урду, и хинди, и ходил на базар, чтобы прислушиваться, присматриваться к людям, делать покупки, торговаться. У него есть деньги, и контакты, и сотовый телефон, по которому можно позвонить, если будет совсем плохо. Но все равно он сильно нервничал, когда сходил по трапу в международном аэропорту Карачи...

Когда попадаешь на Восток – сразу понимаешь, что здесь другой мир, здесь не Россия. Нет никаких березок, нет раздольных полей, нет широченных рек – если реки здесь и есть, то они грязные, по ним плывут масляные пятна и трупы животных. Здесь низкие потолки в аэропорту и вообще какая-то скученность, здесь не любят простор, как в России, да и нет тут его,

¹ Такое переименование означает, что Его Императорское Величество содержит госпиталь за счет своих денег, а не казенных. Семья Романовых была богатейшей в стране, но многое содержалось за ее счет, а не за счет казны, это был как бы второй бюджет, пусть и намного меньше первого – но не лишний.

² В нашем мире все еще интереснее. Существует железнодорожное сообщение из Захедана на Карачи через Мирджаннех, дорога проходит по белуджским территориям. Однако этот участок дороги по непонятным причинам не привязан к общеиранской сети железных дорог, хотя для этого надо всего-то построить дорогу между Бамом и Захеданом – это чуть меньше двухсот километров. Этого не делается. Так что не надо говорить, что Империя – тюрьма народов, Империя – высшая форма политического устройства, и имперское правление обеспечивает должную связанность всех частей империи, так что и люди перемещаются без дурацких границ и виз, и грузы можно дешево возить.

простора-то... Здесь полно людей, люди везде... они толкаются, они выглядят и пахнут совсем не так, как в России, и приходится принимать много усилий к тому, чтобы не воспринимать этих людей как опасность. Еще бросается в глаза то, что многие из этих людей в принципе ничем и не заняты. Лодырство – это вообще особая, восточная черта, здесь не принято к чему-то стремиться, что-то менять... здесь считают, что Аллах сам даст своим рабам то, что сочтет нужным. В бывшей Османской Империи потребовалось три поколения для того, чтобы арабы стали думать как русские. Здесь... здесь вообще ничего не известно.

Мрак.

Багаж медленно выползал на резиновой ленте транспортера из багажного отделения, люди хватили его. Надо было не зевать – тут же ошивались и воры. Сашка дал одному короткий тычок под ребра, чуть ли не из рук у него выхватил свою сумку. Совсем охренели, прямо на ходу подметки рвут...

Усатые, исполненные важности таможенники равнодушно смотрели на них. Теперь это был внутренний рейс, никакого таможенного досмотра не требовалось. Теперь и здесь – Российская Империя.

Внутри все было по-старому. Все вывески, таблички, как и раньше, на английском языке. В городе не было боев, он совсем не пострадал – русские остановились в двадцати километрах от города, а потом принудили Англию отдать город им на борту атомного линкора «Бисмарк». В руки русских попал огромный город с населением в двадцать один с половиной миллиона человек, с пригородами и все двадцать пять миллионов, со сложной социальной и даже кастовой структурой – хотя здесь, на севере, на касты почти не обращали внимания, здесь был в ходу ислам. Придя, русские объявили, что каст больше нет и британского раджа больше нет, живущие здесь англичане могут оставаться, но как равные. Большая часть чиновников предпочла уехать, русских чиновников было мало – набирали из местных, и с этим были проблемы, кое-кто уже с тоской вспоминал об англичанах. Русские сказали, что будут строить еще один порт и еще один город – на воде, на насыпных островах³. В городе это восприняли, как всегда, с загадочной восточной улыбкой. Карачи – по численности населения один из крупнейших мегаполисов мира, и один из самых опасных – был вещью в себе, его нельзя было понять и нельзя было познать до конца...

Ему нужна была машина. Немного поколебавшись, он выбрал агентство «Берджесс», за стойкой которого скучала симпатичная местная девица.

– Гуд мornинг... – вежливо поздоровался он, когда очередь дошла до него.

– О, здравствуйте, сэр! Желаете арендовать машину?

Английский девицы был чистым, но с местным акцентом.

– Да. Что-нибудь большое. Внедорожник.

– Внедорожник?

Борецков растерялся. Неужели он успел сказать что-то не то. Вот так вот и нарываються на неприятности. Баба-яга в тылу врага, блин!

– Ну да... – Он попытался изобразить что-то абстрактное. – Полноприводная машина, понимаете. «Лендрover» там... – убито сказал он.

– О... Здесь говорят просто – four. Четверка. «Лендрover» – четверка. «Тойота» – четверка. «Датсун» – четверка.

Твою мать...

– «Датсун»...

³ Такой проект существует и в нашем мире. Сделать финансовую столицу Пакистана на насыпных островах у Карачи, с небоскребами... все как положено, примерно как в Дубае. Вроде как отделиться от города и начать все с чистого листа. Но в связи с резким распространением радикального ислама – не факт, что он воплотится в жизни.

«Датсун» он знал лучше всего – рабочая лошадка групп спецназначения, намного легче, чем «Егерь», и не привлекает особого внимания. Когда брали Персию – в числе прочего там был завод «Датсун», выпускавший как раз эти машины для местного рынка. Его восстановили и продолжили выпуск, значительную часть машин покупала казна – как раз для армии.

– Как уважаемый господин предпочитает платить?

– Карточкой...

Борецков протянул «золотую» карточку «Мелат-Банка» с главным офисом в Тегеране. Он знал, что люди, расплачивающиеся наличными, привлекают внимание. И совершил еще одну ошибку – дело в том, что карточки банков со штаб-квартирой в Тегеране были у многих русских солдат и офицеров частей спецназначения. Последние годы оперировать приходилось в Тегеране, и не разумнее ли там и открыть счет... многие так и делали. Но эта ошибка сошла без последствий, девица этого не знала...

– У вас рублевый счет. Аренда обойдется вам в четырнадцать с половиной русских рублей в день, плюс страховка, итого шестнадцать русских рублей в день, плюс пятьдесят русских рублей залог – он будет возвращен вам, как только вы вернете машину. На какой срок бронировать, сэр?

Борецков открыл рот... и снова закрыл. В Тегеране арендовать такую машину стоило пятерку в день, в Кабуле – семь-девять, в зависимости от того, где именно.

– На... пять дней...

– Отлично...

Улыбка была утешением тому, кто расставался с деньгами. Пусть и не заработанными – у него было аж пять тысяч наличкой и на карточке на оперативные цели, – но он привык бережно обходиться с деньгами. Сирота, как-никак...

Восемьдесят рублей за пять дней! Это как же здесь живут?! А сколько здесь еда стоит?

Привыкший к довольно высокому уровню жизни в Империи, он, как солдат сил спецназначения, получал в качестве денежного довольствия, пайковых, боевых, разных компенсаций столько, что смог уже внести взнос в стройсберкасса за приличную квартиру ⁴ – Борецков от таких цен был просто в шоке.

Девица прокатала карточку, он набрал код, получил ключи от машины и номер места на стоянке, где она стояла...

Увидев машину на стоянке – стоянка представляла собой пристроенный к аэропортовскому зданию многоэтажный бетонный куб, – Александр испытал радость, словно увидел старого друга. Это был «Датсун Патруль», белого цвета, с круглыми фарами и тяговитым, двухсотсильным двигателем, абсолютно точно таким же, какие были у них в подразделении. Даже цвет такой же – белый. И отбойник на бампере, приваренный к раме. У них были еще «Интеры»... тяжелые, массивные внедорожники, которые американцы делали в Ростове, – но эти машины были излишне тяжелыми и какими-то вальжными. А это... просторная, вместительная, простая, как мычание, машина, с дефорсированным движком четыре с половиной литра, питающимся всякой гадостью, мощной рамой, приспособленной к самому жестокому бездорожью, рессорной подвеской. Вчетвером навьючив на машину запас воды и закатив в багажник парутройку бочек с соляжкой, группы уходили в пески, в горы, в неизвестность, уходили на недели, иногда даже на месяцы. Конечно, он умел водить такую машину...

Проблема только была в том, что здесь руль был с неправильной стороны... вот в чем дело. Это была машина местного производства, она производилась в Индии точно так же, как и

⁴ Это значит – полцены квартиры. Оставшуюся половину одалживала стройсберкасса под два процента годовых, а военным – без процентов вовсе. Вот почему в Империи практически не было ни бездомных, ни нуждающихся в жилье, строительство жилья было государственной задачей.

в Персии, японцы присылали двигатель, который до сих пор ставили на погрузчики и маленькие тракторы, а все остальное делали здесь сами. Здесь не было автоматической коробки передач, была простая четырехступка с мощным понижающим рядом – и получается, что она теперь была под неправильной рукой, об этом требовалось всегда помнить. А в городской толчее того и гляди попадешь в аварию, если будешь лихорадочно искать педаль или рычаг коробки.

Короче, рабочая рука – левая. Левая.

Левая...

С рывком – но тронулся. Вырулил в проезд между рядами машин... у «Датсуна» был мощный гидроусилитель руля, очень удобно. Поехал вниз, там, у пропускного пункта – считали наклеенную на ветровом стекле этикетку и выпустили на свет божий. Сашка повернул влево, придавил газ... похолодел. На него, мигая фарами, надвигался грузовик.

А, чтоб тебя!

Он рванул руль – и грузовик промчался мимо. Типично британский – «Бедфорд» с длинной рамой и низко посаженной кабиной, на кабине – что-то вроде подсвеченного транспаранта для имени владельца, нигде, кроме как на британских территориях, так не делают.

Шпион, называется... Баба-яга в тылу врага.

Мокрый, как мышь, Борецков тронулся из аэропорта. Сумка лежала на заднем сиденье. На каждом перекрестке все его существо буквально орало о том, что он вырывается на неправильную сторону дороги.

Британские придурки. Ну почему у них все как не у людей, даже дороги...

Дороги здесь были хорошими, пусть и неправильными. Много бетона... Карачи был крупнейшим торговым портом региона, сравнимым с Бомбеем, дороги строили под тяжелые грузовые машины, бетонные, а погода здесь была хорошей, без резких перепадов температуры. Только сыро очень, это тоже действовало. В Сибири климат резко континентальный, сырости такой нет, воздух сухой, как стекло. В афганских горах – то же самое. Здесь жара в сочетании с влажностью действовала как мокрый ватник, было ощущение, что ты весь в поту. Очень плохое ощущение... надо бы время на акклиматизацию, но его нет.

На развязке – отличная, клеверная развязка... вообще, хороший город отхватили, дельный, спасибо Его Величеству – Сашка свернул направо, на улицу, одновременно и более широкую, и более забитую транспортом, среди которого сильно выделялись мотоциклы и убогие трехколесные повозки, которые здесь считают за автомобиль. В Карачи было два типа дорог: трассы, по которым проезд был платный и которые использовали в основном грузовики, и обычные бесплатные дороги, по которым было не протолкнуться. Плата взималась автоматически, на ветровом стекле была специальная наклейка с бар-кодом, так это называлось в англоязычных странах. Счет придет прокатной компании, а она включит его в окончательный счет.

Скорость движения упала моментально, дай Бог до десяти миль в час... в среднем, по правилам дорожного движения здесь и слыхом не слыхивали, лезли напролом. Постоянно сигналили, от гвалта клаксонов болела голова и дергались нервы. Везде был дым... это дымили костры и очаги уличных едален и кафе, где можно было очень дешево поесть... но воспитанному в России Борецкову казалось, что где-то пожар... и это тоже действовало на нервы. Ели здесь почти всегда мясо... дело в том, что на восток отсюда – южный и центральный Индостан, там живут люди, которые считают корову священным животным, которого нельзя резать... ну, религия у них такая, в общем. Коров держат, коровы там шатаются прямо по дорогам, грязные, голодные, не дающие молока... если не окажутся здесь. Здесь живут мусульмане, и им мясо можно, только молитву перед забоем надо прочитать, что, мол, приношу это животное во имя Аллаха, и тогда все нормально, на языке мусульман халяль, можно. Вот и получается, что коровы есть по всему индостанскому субконтиненту, но едят их только тут, потому мясо и дешевое и жесткое, как старая подметка...

Вообще, город интересный. Не такой, как Пешавар, Пешавар город торговый, там кого только нет, и там привыкли оценивать человека по тому, сколько денег у него есть в кармане. А тут хоть и порт, но все равно «город в себе», поосторожнее надо быть.

Кто-то метнулся под колеса – и Борецков едва успел затормозить. Погрозил кулаком... а этот, кто под колеса бросился, – осыпал его проклятиями и бросил в машину комок грязи... грязи тут хватало. Видимо, нищий, увидел, что белый едет, решил подзаработать... жертва ДТП, мать его так. Да... нелегко хлеб разведчика, нелегко...

Фотоаппарат. Старый совсем, пленочный, сейчас такой только у знатоков, ценителей, все на цифру снимают. Несколько кассет с пленкой высокой чувствительности, изнутри выложенные специальным материалом для сохранности пленки. Еще видеокамера. Конечно, у него удостоверение журналиста, обычное для таких дел. Журналист, приехал писать о вашем прекрасном городе. Обычно местные отстают... кому охота, чтобы написали плохо.

Борецков распатронил кассеты одну за одной, патроны ссыпал на кусок чистой ткани, который он расстелил на коленях. патронов было много... «двадцать два винчестер магнум», американские, в последнее время все больше и больше разведчиков и оперативников, действующих под прикрытием, переходят на этот патрон. Легкий, тихий, но с экспансивной пулей, для охоты на мелких грызунов, останавливающее действие, почти как у германской девятки⁵.

Из фотоаппарата он достал несколько небольших деталей, включая затвор, из видеокамеры – ствол. Из двойного дна сумки достал пластиковые детали, включая разборный магазин и глушитель, в котором из металла не было ни единой детали – все сверхпрочный пластик. На коленях быстро собрал пистолет с роторным магазином на тридцать патронов, накрутил глушитель. Теперь он был вооружен...

Посмотрел на часы – тоже пластиковые, они носили пластиковые часы, потому что имели дело с минами и взрывными устройствами. Время контакта...

Шел дождь. Тяжелый, тропический дождь, который нанесло ветром из Индийского океана, с крупными, тяжелыми каплями, барабанившими по ветровому стеклу с таким шумом, будто это был не дождь, а град. Улицы перед Северным Депо опустели, моментально образовались потоки воды, несущие грязную воду в порт и в залив. Выходить из машины не хотелось... промокнуть до нитки можно было в секунду-две. Никого не было видно, даже нищих...

Со стороны вокзала появился человек, он бежал, разбрызгивая ногами лужи и держа над головой тяжелую спортивную сумку, чтобы защититься от воды. Сашка опознал его, включил мотор...

Полковник Тимофеев, бородатый, темный от загара, одетый, как местный, в широкие штаны, безрукавку и рубашку из грубой ткани, бросил свою сумку на заднее сиденье, ввалился на переднее сам. От него пахло как от местного – потом, грязью и дымом...

– Ас салам алейкум... – сказал он, – чего встал, поехали...

– Ва алейкум ас салам... – сказал Сашка и включил передачу...

⁵ Девять парабеллум.

Территория под контролем Российской Империи

Порт Карачи

Точные координаты неизвестны

21 августа 2016 года

Вспышка!

Борецков проснулся. Рука автоматически вырвала из-под подушки пистолет, еще когда он спал.

Черт... приснится же... Наверное, это всегда будет с ним...

Ныло все тело. Это не считая перманентного поноса от местной жратвы, который то начинался, то вдруг прекращался, не помогали даже таблетки. Борецков чувствовал себя уставшим и несчастным...

Который день в этом говнище, и никакого толка...

Он посетил толчок... господи, это каким же надо быть уродом, чтобы строить толчок рядом с кухней, да еще без двери... но тут так и строили. Потом сделал двадцать пять отжиманий от пола и попил воды. Воду он прокипятил и немного подсоллил, чтобы не пить много и чтобы компенсировать вывод солей с потом из организма. Прошел в комнату, рухнул на кровать... все было мокрым, как он ни старался хоть как-то просушить. Он повернул голову и увидел на стене большого таракана, по-хозяйски шевелившего усами. Начинающий шпион прицелился в него из пистолета – таракан оказался понятливым: исчез.

Какое же тут везде дерьмо...

Их было двое, и у каждого была отдельная квартира, которую они сняли для себя, и график дежурств. По шесть часов, одна дневная смена и одна ночная – это рехнуться можно. Двенадцать часов в день – у прибора наблюдения, потом шесть часов сон – больше не надо было ни одному из них, – и оставшиеся шесть часов – это личное время солдата. Можно просто полежать, можно куда-то выйти, чтобы окончательно не свихнуться...

Сашка гулял по городу, переодевшись под местного и подкрасив немного бороду краской, которую использовали женщины. Его восторг по поводу города немного прошел... везде такое дерьмо, что и не выскажешь. Нет, конечно, были и хорошие кварталы – но даже там были признаки неблагополучия. Граффити на стенах – автоматы, высказывания на урду и хинди, Аллах Велик и все такое. Полицейские бронемшины на улицах.

Хреново...

Британское, местное и даже немного русское слилось здесь в каком-то пикантном и в то же время омерзительном коктейле. Здесь были британские супермаркеты, но там почему-то были выбиты витринные стекла, товар лежит как попало, есть и просроченный, ценники тоже кое-как написаны. Британские кебы – это такие машины – такси, не обычные, как в других странах, а специальные, точно маленькие фургончики, но при этом не чопорно-черные, как в столице Метрополии, а раскрашенные в разные цвета радуги, с изречениями из Корана и прочей мутью. Уличные жаровни можно встретить на любой улице восточного города – но только тут умудрились сделать горелки из сырой нефти и еще подтапливают резаными лысыми автомобильными крышками, отчего по городу сплошной смрад, усугубляющийся еще и высокой влажностью. Неудивительно, что здесь мало кто доживает до пятидесяти – умереть от рака легких или горла при таком воздухе проще простого.

Сашка не знал, как замиряли Восток, сколько времени прошло до того, как появилось первое нормальное поколение, и потому удивлялся, видя, как ведут себя местные. Почему они так себя ведут? Почему бы им не вести себя иначе, навести порядок? В интернате был пол-

ный гимназийный курс для воспитанников, включая мировую историю. Они знали про Британскую Индию – это была часть Евро-Азиатского континента, отделенная высокими горами и непроходимыми лесами от остальной ее части и находящаяся под оккупацией Британской Империи. Британская Империя, воспользовавшись феодальной раздробленностью и продажностью местных элит, минимальными силами оккупировала страну, в несколько раз превосходящую ее саму по народонаселению, и навязала ей свои правила игры, в ущерб коренному населению. В этом, кстати, было принципиальное отличие британской политики от русской – Его Величество воспринимал каждую часть Империи как равную и полноправную, Россия, в отличие от Британии, не имела колоний. Далее – Британия несколько раз с большой жестокостью подавила народные восстания, направленные против британского колониального гнета, она продает товары своей промышленности по монополюно высоким ценам и вывозит колониальные товары по монополюно низким. Местные жители раздроблены и не могут оказать сопротивления, но...

Но ведь сейчас Карачи и его окрестности, известные как Белуджистан, территория народа белуджей, находится под управлением Российской Империи и местным жителям предоставлены права, несравнимые с тем, что были даны при англичанах, например – Карачи объявлен вольным городом-портом, как Одесса, как Аден, как Басра. Почему бы тогда местным жителям, черт бы их побрал, не перестать жечь свои нефтяные горелки, готовить мясо на резаных автомобильных покрышках, и почему бы им, черт побери, не сделать приличную канализацию вместо зловонных канав на улице. Черт возьми, это двадцатимиллионный город – неужели нельзя жить нормально. И почему местные жители вместо того, чтобы сделать свою жизнь хоть немного лучше, слушают своих бывших угнетателей, англичан, и сопротивляются русским. Не все, конечно, не каждый сотый и даже не каждый тысячный. Но остальные просто молча смотрят на это, на деяния своих, вместо того чтобы сказать «нет». И это хуже всего.

Лежать на сырой кровати было мерзко, это все равно что лежать в луже. От тяжелого запаха пота мутило – а вымыться было нельзя, потому что от местных тоже пахнет потом. Борода зверски чесалась, казалось, что там кто-то есть.

Бр-р-р...

Сашка поднялся, быстро оделся – хватит с него. Надо выйти – иначе рехнешься...

– Девятый – второму...

– На приеме... – раздалось из динамика сотового, они по сотовым говорили как по рации, потому что говорить нормально было для них непривычно. – Хочешь меня сменить? Еще час с лишним остался...

– Никак нет. Хочу выйти. Купить что-то поесть.

– Давай. Но чтобы через час был на месте...

– Есть.

Борецков зашнуровал британские армейские ботинки – показатель богатства здесь, многие ходили в растоптанных чувяках или вообще калошах – и вымелся на что-то вроде террасы, потому что подъездов нормальных тут не было, строили на британский манер.

На площадках одной из двух лестниц тусовались местные оборвыши. Ему они ничего не сделали, но взгляды были весьма красноречивыми. Примета нового времени – магнитола. Дешевая магнитола, которую носят у уха и которая изрыгает музыку одного из стилей андеграунд, родиной которых является... конечно же, Англия. Родиной всего плохого, антигосударственного является почему-то Англия.

Сашке было непонятно, почему так. Здесь жили, можно сказать, дружно, сообществами, как и в Империи, – но это было совсем другое. В Империи ты был школьником, гимназистом или лицеистом⁶, к тому же наверняка скаутом, или в борцовский зал ходил, или в боксерский,

⁶ В Империи были школы не одного, а трех видов, бесплатными были только школы. Школа: девять лет (до 1976 года –

или в клуб какой-нибудь, юных мотористов там или летчиков. А здесь ничего этого не было, групповались по принципу «кто ты есть», из какого района, какого рода, на каком языке говоришь, хинди или урду. Ну не смешно ли...

Миновав стоянку велосипедов и мопедов у дома – они были привязаны как лошади, – Борецков вышел на улицу, неспешно направляясь к местному супермаркету, чтобы купить что-то поесть, и еще что-то от желудка. Здесь это продавали тоже в магазинах, отдельные аптеки были, но их сдержали аптекари, люди приметливые, да еще с возможными связями с подпольем. Зачем? А вы знаете, например, что пентрит, мощнейшая взрывчатка, также используется в медицине. И аптекарю проще, чем кому-либо другому, достать ее. Или наркотики, которые нужны в случае ранения. Или... ну, в общем, аптекарь – полезный член террористической группировки. А Сашка не был уверен, что он на сто процентов сойдет за местного...

В супермаркете он набрал консервов, хороших сербских мясных консервов – он уже понял, что надо брать только консервы, так меньше шансов отравиться. Еще он накидал в корзину средств от поноса и несварения у витрины с лекарствами, предпочитая самые простые, такие как активированный уголь. Не время было экспериментировать.

На кассе ему улыбнулась очаровательная девушка, работающая тут кассиром. Миндалевидные глаза и кожа как у загоревшей русской. Настоящая красавица. Просто удивительно – как кто-то хочет засунуть это чудо в паранджу, чтобы никто его не видел. С ума, что ли, все походили...

С пакетом из плотной крафт-бумаги – здесь его давали вместо нормального, полиэтиленового с ручками, как в Империи, – Сашка вышел на улицу, хотел перейти – и едва успел отпрыгнуть. Два внедорожника, промчавшись мимо, забрызгали его грязью.

– А, чтоб тебя...

Он уже хотел забыть об этом, как вдруг увидел, что внедорожники замедляют ход, готовые повернуть.

Это были два внедорожника «Рейндж-Ровер», старого образца, с квадратными фарами, которые еще делали здесь, в Британской Индии. Стекла защищала стальная сетка, впереди – мощный кенгурятник, нелишний на местных дорогах.

Черт, а это что еще такое...

Сунув пакет под мышку, Сашка бросился бежать, на ходу доставая телефон...

– Эфенди полковник... – сказал он на арабском, который мало кто здесь понимал.

– Слушаю.

– Два внедорожника. Свернули в вашу сторону.

– Я их вижу. Ты здесь?

– Недалеко. На полпути.

– Не спеши. Засветишься...

Сашка знал, что спешить и в самом деле нельзя – все-таки он учился у профессионалов. Вокруг любой нелегальной точки полно глаз, это может быть жилец соседнего дома, просящий милостыню нищий, торговец мясом со своей едальней... содержатель дукана... да кто угодно. Но каждая нелегальная точка – центр паутины, стоит только ее потревожить...

– Останавливаются... Черт, плохо видно.

– Я делаю.

8, в деревне – 6), один иностранный язык. После школы не принимают в университет, только в коммерческое или реальное училище. Что, кстати, не мешало многим школьникам закончить коммерческое училище и стать очень богатыми людьми. Гимназия – платная, десять лет, два иностранных языка, после нее можно идти в любой университет. Лицей – двенадцать лет, три иностранных языка (включая французский, который дворяне знают с детства), он бесплатный, но только для детей дворян, это кузница имперской элиты. Лицеи содержатся Его Величеством и Дворянскими собраниями, простолюдин туда не попадет, сколько бы денег у него ни было. Суворовские или нахимовские училища давали образование некоторые по уровню гимназии, а столичные и особо хорошие в провинции – по уровню лицей, они были бесплатными.

Сашка уже шел обычным шагом, обычный молодой, бородатый, непонятно чем занятый житель этого города. Пакет в одной руке, сотовый телефон в другой – устойчивая сотовая связь здесь появилась совсем недавно, и местные теперь трещали по сотовым как сороки, не прерываясь...

Машины остановились. Как раз у того самого здания...

Сашка совершенно естественным жестом повернулся, чтобы войти в здание, – и линза фотоаппарата, встроенного в телефон, оказалась в нужном положении. А камера в телефоне хорошая, шестнадцать мегапикселей...

Несколько шагов...

– Эфенди полковник, что-то есть. Могу поснимать еще.

– Нет. Не рискуй. Поднимайся вверх...

– Есть.

Через десять минут Борецков сбросил полученные снимки на один из анонимных ящиков в бездонной, безразмерной паутине Интернета. Вместе с остальными снимками, добытыми за весь день...

Территория под контролем Российской Империи Недалеко от Порты Карачи Залив Ястребов Ночь на 22 августа 2016 года

Сашка Борецков остановил свой внедорожник в нескольких километрах от Карачи, на берегу, на обочине дороги, которая вела прямо параллельно берегу Арабского моря и шла в Персию. Местность была топкая, нехорошая, берега никто не укреплял. Вдалеке были видны ходовые огни огромного судна, идущего прочь от берега, – наверное, контейнеровоза. Были и другие огоньки – рыбацьи сейнеры, арабские дхоу, которые использовали для контрабандной перевозки товаров, наверное – и частные яхты. Многие богатые жители города покупали яхту и так и жили на ней, сходя на берег лишь по необходимости...

Восток – дело тонкое...

Вздыхнув, Сашка сунулся в бардачок и достал что-то, напоминающее дамскую пудрицу, только верхняя часть сделана из стекла. Включил – ничего не было видно, когда она заработала, открыл дверь, держась за дверь и стоя на подножках – прилепил это на крышу, как полицейскую мигалку. Несмотря на то что устройство это было маленьким – вспышки в инфракрасном спектре оно давало очень даже яркие, такие как сирена. Теперь его машину будет видно и с воздуха и с моря...

Сашка был сухопутчиком, но их учили взаимодействию с амфибийными силами флота, и он отлично представлял, как будет все происходить дальше. В пятидесяти милях от берега стальным островом дрейфует, смещаясь на юго-восток, ударный авианосец «Екатерина Вторая», возглавляющий шестое ударное соединение Тихоокеанского флота. С авианосца – или, скорее всего, с одного из судов обеспечения – спустят на воду три лодки – на флоте, как и в ВВС, принята тройная подстраховка, при возможности ты направляешь на задание втрое больше ресурсов, чем это нужно. В каждой из лодок – лоцман, канониры, по двое спецназовцев – итого пятеро. Они пойдут к берегу, пойдут тихо и меньше чем в полусотне метров от берега сбросят спецназ. Сориентируются они по его маяку. И конечно – «Екатерина» уже выпустила беспилотник, он проверит зону высадки и будет работать над городом в их интересах, пока спецназовцы флота не доберутся до конспиративной квартиры.

Все это было как-то буднично... обычно. Говорили, что раньше, как только возникало задание, – вопрос, кому идти, решался чуть ли не дуэлью. Просто заданий не хватало на всех. Сейчас действия спецназа превратились в обычную рутину – высадились, ударили, ушли. Высадились – ударили – ушли. Сашка сам, несмотря на то что зелен зеленю, участвовал в пятидесяти двух боевых высадках, из них двадцать одна – под огнем противника. Его инструкторы – которые учили его – не набирали и половину этого от всего срока службы...

Мир катится в таргарары, аж дух захватывает – но, черт побери, это весело. Так говорил его командир, полковник Тимофеев. Такой вот юмор...

Чтобы немного отвлечься, Сашка достал телефон, вышел в Интернет. У него была подружка по переписке, они несколько раз встречались в Ташкенте. Наверное, через пару лет он обзаведется семьей... если Гуля будет так глупа, что свяжет свою жизнь с военным бродягой...

В стекло постучали, Борецков приоткрыл окно, на него пахнуло омерзительным запахом давно не мытого тела и бороды. Человек был похож на большую бродячую собаку, он заговорил с ним на языке, который Сашка сразу даже и не понял.

Промелькнувшее в конце слово «сардар» дало подсказку – это был балуджи, язык местных племен – белуджей, которые жили и в Персии, и здесь, на бывшей территории Британской Индии. И с той и с другой стороны границы к ним относились плохо, с подозрением – потому что они хотели собственное государство, Белуджистан, и потому были мятежны власти. Сейчас они были за русских и против местных, и потому Сашка достал горсть монет, опустил окно еще сильнее и высыпал их в подставленные руки нищего.

Нищий закланялся, заблагодарил – но не ушел, что было удивительно. Сашка нахмурился – этого только не хватало, чтобы нищий привязался.

– Зэй! – сказал он, это слово «уходи» на пушту было коротким и использовалось торговцами на базарах в качестве лингва франка⁷ по всему региону. – Зэй...

– Вы добрый человек, поручик... – сказал вдруг нищий на русском. – Но неосторожный и легковверный. Просто так на месте высадки никто не появляется, даже самый обыкновенный нищий. И язык вам тоже стоит подучить. Балуджи вам пригодится...

Спецназовцев флота было шестеро...

Они немного привели себя в порядок, сливая на руки из пятигаллонной пластиковой канистры, которую Сашка предусмотрительно прихватил с собой, и немного переоделись для того, чтобы не вызывать подозрения. Затем они расселись по машине – места хватало, машина была рассчитана как раз на семерых, два места было в багажнике. Привезенный с собой груз они укрепили наверху, на багажнике...

Нищий устроился на переднем пассажирском, протянул Борецкову телефон и гарнитуру.

– Наводчик, – сказал он, – его позывной Антарес. Назовешь свой, он будет работать по заявке. Он поможет тебе не попасться. Все понял?

Слово «наводчик» обычно использовалось снайперами, так назывался второй номер снайперской группы. Кстати, шесть человек – теперь это новый состав снайперской группы специального назначения как раз на флоте. У армейских снайперов команда – четыре человека.

– Так точно.

– Давай.

Сашка угнездил рацию.

– Антарес, Антарес, выйдите на связь.

– Антарес на связи. – Связь была прекрасна, видимо, поддерживалась мощным передатчиком с авианосца. – Доложитесь.

– Я Медведь-три, Медведь-три. Фаза один завершена, Фаза один завершена...

– Антарес принял. Медведь-три, мы видим вас. Можете начинать движение, дорога перед вами свободна.

Путник или беспилотник. Однако.

– Вас понял, Антарес, движение начал. Обмен по необходимости.

⁷ Общий язык.

Территория под контролем Российской Империи Порт Карачи, конспиративная квартира 22 августа 2016 года

Дисплей – так теперь называли штабную доску с планом операции – организовали прямо там, поставив у стены большой лист картона. Удобно – к нему можно и прицепить что нужно иголкой или английской булавкой, и рисовать маркером можно.

Сейчас спецназовцы собрались у карты. Борецков был с ними, это было не его дежурное время. Конечно же, квартира была расположена не рядом с самой целью и снята была заранее. Появление в районе цели шестерых бородачей с громоздким грузом – самый верный способ все слить к чертовой матери...

Нищий, знающий и балуджи и русский, прикрепил к листу картона фотографию среднего размера. Сашка узнал одно из фото, которое было сделано им.

– Наша основная цель, господа... – сказал нищий, – штаб-квартира организации «Проповедь и джихад». Организация создана в две тысячи третьем году при прямой поддержке британских спецслужб. Легальное прикрытие Деобанда и побочная ветвь организации Талибан. Цель – направление на русские территории и территории, находящиеся под контролем русских лиц, желающих вести священную войну – джихад.

Организация проводит вербовочные мероприятия в лагерях беженцев, среди небогатых местных жителей, которым просто некуда деть своих детей. Она содержит лагерь, где они проходят четырех– или десятидневное обучение, затем снабжает их документами и оплачивает проезд к месту ведения джихада. Если сравнить силы, ведущие священную войну против нас, с обычным предприятием, то «Проповедь и джихад» – это отдел кадров этого предприятия.

Нищий говорил негромко и уверенно.

– После того как территория Карачи отошла Российской Империи по бисмарскому урегулированию, британские спецслужбы развернули действие этой организации в обратную сторону. Раньше, тогда когда все это принадлежало Британской Индии, – они вербовали людей здесь и вывозили на другие территории с целью участия в войне. Здесь уже в шестидесятые годы прошлого века проживало больше ста миллионов человек, господа, многие – в ужасающих условиях, есть из кого выбирать, есть кому предлагать рай и семьдесят две девственницы. Теперь это центр, занимающийся подрывными действиями уже в Афганистане и на принадлежащих нам территориях здесь. Вербовка теперь происходит в Египте и некоторых странах Африканского континента. В связи с этим, господа, наша цель – не люди, но компьютеры, находящиеся в здании, точнее – их жесткие диски. Как выглядит жесткий диск и где он находится – каждый из вас знает, равно как и то, как правильно достать его из компьютера.

– Господин капитан, вопрос... – сказал один из бородачей.

– Слушаю.

– Господин капитан, неужели они не стерли диски?

– Конечно, стерли, и не один раз. Но у нас есть технология, позволяющая восстанавливать записанное на жестком диске компьютера, даже если это давно стерто. Так что, господа, мы должны принести эти жесткие диски, а дальше – уже не наши проблемы, ими будут заниматься другие люди, в другом месте. Еще вопросы?

– Пределы применения силы? – спросил другой спецназовец.

– Любой вооруженный человек является противником, даже если он и не стреляет в тебя. Это ясно?

– Так точно.

– Но по сторонам не стрелять. Жертвы среди мирняка нам не нужны. Это тоже ясно?

- Так точно.
- Идем далее. Исходная точка нашего выдвижения...

Поручик Борецков сидел в машине, в своем «Датсуне», припаркованном дальше по улице. Он не был водителем, у спецназовцев флота были три собственные машины. Сейчас его задачей было подстраховать их. В случае появления машин полиции он должен был устроить затор на дороге и смыться. Для этого он должен был перекрыть дорогу «Датсуном» и кое-что сделать с машиной, после чего смываться. Он переоборудовал машину... что-то вроде противоугонки. Вынул деталь, прямо из салона... и местные полицейские будут долго думать, а почему это внешне целая машина ни хрена не заводится...

То, что флотские предпочли проводить операцию сами, – ему не понравилось, но и не удивило. Между флотом и армией всегда существовали крайне напряженные отношения. В среде спецназовцев был хорошо известен скандал, который произошел в семидесятые по совершенно, казалось бы, обычному, будничному вопросу. Террористы впервые захватили судно... возник вопрос, кто его должен штурмовать. В море понятно, флот, а что, если судно в порту или террористы приведут его в порт? Армия заявила, что если судно пришвартовано в порту, – значит, оно уже связано с землей, и главными становятся они. Флот ответил, что, где бы оно ни находилось, судно есть судно, и тот факт, что оно пришвартовано, ни на что не влияет. Спор по этому поводу длился несколько лет.

У него был пистолет, который он привез в город сам, и спецназовцы дали ему автомат. Обычный с виду короткоствольный «Калашников», но вместо цевья у него зачерненная труба, внизу рукоятка. С глушителем, причем под стандартный патрон – очень удобно. Магазины – шесть штук – он держал в переметной сумке через плечо, разгрузку надеть было нельзя.

План операции был довольно простым, и штурмовать предполагалось с двух направлений. Двое должны были атаковать с крыши и четверо – снизу. Проникнуть в здание предполагалось под видом правоверных, пришедших выяснить, как там насчет джихада. Для того чтобы ошеломить находящихся в здании, предполагалось использовать светошумовые гранаты, причем массово – у каждого из спецов их было по шесть штук. По данным разведки, в здании было от восьми до двенадцати человек, оружия открыто не было ни у кого. Если оно и есть – оно в каком-то сейфе или контейнере, до него надо было добраться – а спецназовцы твердо решили не давать противнику такой возможности.

В общем, все должно было пройти чисто и быстро...

А пока Сашка сидел, пил местную «Зам-Зам колу» из банки и посматривал по сторонам в поисках неладного. Неладного видно не было.

– Антарес, я Лазарь, готовность ноль... – прозвучало в крошечном наушнике, спрятанном в ушной раковине.

– Лазарь, я Антарес, зеленый свет, повторяю – зеленый свет. У вас все чисто.

– Антарес, зеленый свет – принял...

Интересные, конечно, кликухи себе моряки выдумывают – Лазарь, Антарес. Впрочем, они всегда белой костью были – чистенькие, по разным странам, языки, то-се. Дворян полно...

Мимо прокатился знакомый пикап. Четырехдверный, белый, неприметный. Пикап – это хорошо, это и внедорожник, и случись чего, можно прямо в кузов запрыгнуть и ехать. И пулемет можно поставить, и подешевле внедорожника...

Сашка проводил пикап взглядом.

О'кей. Лазарь на позиции.

Из пикапа вышел бородач – тот самый нищий, сейчас он выглядел поприличнее. Пошел в здание...

– Лазарь – всем. Фаза один.

Где-то на крыше группа из двух человек готовится проникнуть внутрь. Путь известный – через ослабленное место, выход для вентиляции на крышу.

– Лазарь-два, исходную занял.

Скорее всего, особо и стрелять не придется. Это не пещера, не укрепленный населенный пункт, переполненный разъяренными боевиками, которым нечего терять. При проведении спецопераций в крупных мусульманских городах – Борецков это знал – главное скорость. Ударить и раствориться в толпе, прежде чем кто-то успел понять, что происходит. Если толпа успевает собраться до того, как ты сделал ноги, – вот тогда плохо дело. Именно потому они все носили бороды, чтобы бросить оружие и раствориться в толпе.

– Всем группам Лазарь, вперед!

Едва слышно хлопнуло. Спецназ использует взрывчатые вещества последнего поколения, готовые устройства для пробивания стен. В последнем случае звука почти нет, такие устройства скорее прожигают, чем пробивают препятствия.

– Вот... черт!

А вот это уже худо... Автоматная очередь! Это противник, – у своих бесшумные автоматы, это может быть только противник. И то, что в здании есть автомат, – худо дело, рассчитывали только на пистолеты и ружья...

Сашка пустил секундомер на часах – время реагирования полиции. Эмпирическим путем – сделав несколько ложных вызовов – они установили, что время реагирования двенадцать минут.

Еще одна очередь! Крик в радиии – уже на русском, нецензурный. Скрываться поздно.

– Ах, ты б...!

Борецков остался сидеть на месте, хотя и был как на иголках. Еще одно правило, написанное кровью преступивших его и их товарищей, – сидишь на том месте, на котором тебе определено планом, пока не поступит другой приказ. Нарушишь – пеняй на себя, тебя даже могут пристрелить свои, приняв за врага.

– Ушел! Ушел!

А это что еще такое? Кто – ушел?!

– С...а, снайперу готовность!

Идиоты водоплавающие. А цель где? Если так команды снайперу давать...

– Медведь-один на исходной. Не вижу цель.

Снайпером, прикрывавшим улицу, был полковник Тимофеев, с его наблюдательного поста отлично просматривалась и простреливалась вся улица. Если все будет так хреново, что дальше ехать некуда, – он подарит несколько минут основной группе, чтобы оторваться.

И тут Сашка увидел его. Среднего роста бородач выскочил из проулка, но не рядом со зданием, а из следующего. И у него что-то было, что-то вроде сумки...

– Черная чалма, дальше по улице! – крикнул Борецков, выскакивая из своей машины.

«Черная чалма» сделал несколько шагов в его сторону, потом резко повернулся и бросился через улицу...

– Медведь-один, стрелять не могу! Цель закрыта!

– Медведь-два, преследую!

Женщина, увидев в руках выскочившего из машины бородача автомат, завопила...

На улице черт-те что творилось. Сашка налетел на резко затормозивший «тук-тук» – трехколесный мотоцикл с грузовой платформой для перевозки людей и грузов, едва не опрокинул его. Оттолкнулся руками, побежал. В спину ему неслись проклятия.

Автомат колотил по груди...

Террорист сделал ошибку, черная чалма – хороший признак там, где если и есть чалма, то она белая. Он метнулся в проулок, Борецков побежал за ним, но вынужден был притормозить, опасаясь напороться на пулю. Опасения были напрасны – террорист лез по лестнице...

– Хатма! Хатма ⁸! – крикнул Сашка. – Полис!

Террорист не остановился...

Борецков вскарабкался по лестнице, почти на одних руках. Пробежал по галерее, перепрыгивая через чужой скарб. Галерея была на уровне третьего этажа, Сашка увидел, что террорист перепрыгнул на крышу второго и сейчас бежит по ней...

– Антарес вызывает группу Лазаря, Антарес вызывает группу Лазаря, доложить, что происходит!

– Антарес, я Медведь-два, – на бегу прохрипел Сашка, – преследую террориста, уходим южнее цели.

– Антарес – Лазарю, что, ко всем чертям, у вас там творится?

– Лазарь – Антаресу, – послышался голос «нищего», – операция идет не по плану, повторяю – не по плану. Сопротивление выше расчетного, у нас двое пострадавших. Один террорист скрылся. Возможно, с грузом...

– Антаресу... – жестяные крыши гремели под ногами. – У террориста что-то есть. Я вижу это.

– О'кей, Медведь-два, сделай какое-то движение, чтобы мы тебя опознали...

Сашка отмахнул рукой, как перед прыжком.

– Медведь-два, мы видим тебя. Лазарь, вопрос – Медведь уходит из вашей зоны, беспилотника не будет около десяти минут.

– Антарес, норма, мы справимся. Веди парнишку... Черт...

– Лазарь, вас понял, временно отключаем вас, держитесь.

– Антарес, приготовьте операционную, лишним не будет. Отбой...

Террорист прыгнул – Борецков даже не понял, куда...

– Он исчез.

– Спокойно. Вперед и прыгай, там проулок...

Сашка прыгнул. Нога поскользнулась, но он удержался на ногах.

– Правее... – подсказал оператор беспилотника, – он бежит.

Сашка бросился вперед. В двадцать лет он, конечно, был сильнее и тренированнее террориста, но террорист был местным и наверняка знал план отхода назубок...

– Направо, сейчас!

Сашка свернул... перед глазами только искры, сердце у глотки... толком не тренировался, вот и итог. Мельком заметил террориста, его чалму в конце длинного, ведущего на другую улицу прохода.

Мать его...

– Впереди улица, поток машин. Опасности нет.

Сашка бросился вперед. Его впервые вели с беспилотника – и он не привык бежать наугад, доверяя оператору. В проулке – как и в любом другом таком же в этом городе – омерзительно воняло...

Он вылетел на улицу, налетел на кого-то и сшиб. Перевернул тележку торговца, под злобные проклятия вылетел на проезжую часть.

– Осторожно. Смотри сам.

На его глазах террорист чуть не попал под большой грузовик, но увернулся. Грузовик пролетел дальше, издав длинный, возмущенный гудок. Это была одна из крупных улиц в городе, магистраль, проходящая прямо через весь город. Переходить ее было очень опасно, переходов тут не было, машины почти не тормозили...

Борецков, выглядев прогал в потоке, бросился вперед. Как он перебрался на другую сторону дороги живым – он и сам не понимал...

⁸ Стой! Стой, полиция! (урду)

– Направо. Он немного оторвался от тебя, поднажми...

Легко сказать.

Борецков побежал вправо. Увидел, как мелькнула черная чалма – человек в черной чалме обернулся, увидел, что за ним погоня, – и свернул в переулок.

– Переулок. Направо... сейчас!

Борецков вбежал в переулок.

– Стена. Перелезь через нее.

Чертова стена. Он налетел на нее с разбега, подтянулся... как на десантно-штурмовой полосе, которую он мог пройти с закрытыми глазами...

– Так. Сейчас налево. Лестница справа! На нее!

Оператор сообщил про лестницу, но не сообщил про бородача, который был рядом с ней. Он протянул руку и попытался схватить Борецкова... тот перехватил руку, рванул палец, попавший в захват. Палец хрустнул, раздался едва ли не животный рев. В проулке Борецков увидел бегущих людей, у них были палки и, кажется, что-то типа ножа-мачете.

Этого еще не хватало...

Он пробежал по балкону. Многие дома здесь были построены на британский манер – каждая квартира должна иметь отдельный вход, пусть даже с балкона...

– Налево, на крышу! Здание с синей крышей!

Здание было трехэтажным, действительно с синей крышей, что было удивительно. Синий цвет, да еще такого оттенка, зарезервирован за мечетями.

– Второй этаж, балкон! Он пробежал его, дальше крыша!

Сашка пробежал балкон...

– Направо, крыша!

– *Аллах Акбар!!!*

Борецков едва успел упасть – рвануло. Как и бывает в таких случаях – окатило горячим ветром, с шелестом пронесли осколки, полетела штукатурка, пыль.

Твою мать...

– Вопрос: у кого подрыв? У кого подрыв!

Сашка прокашлялся, поднялся на ноги и спрятался за стеной.

– Антарес, я Медведь.

– Доклад!

– Цел. У ублюдка гранаты... Дайте новое направление.

– Та-а-а-ак... черт, не видно... есть! Юго-восток! Перед тобой чисто – вперед!

Борецков побежал. Едва не провалился ногой, но вовремя отдернул. С грохотом захлопывались ставни...

– Направо!

Металл дребезжал под ногами.

– Прыгай!

Он прыгнул и оказался на еще одной улице, видимо, торговой. Торговцы поспешно прятали товар, ставни закрывали и тут.

– Куда?

– Двадцать влево! Тупик и стена! Он только что перебрался через нее!

Да что же это такое... Казалось, весь город состоит из тупиков и таких вот стен.

Борецков побежал влево. Какой-то урод у лавки замахнулся на него огромным, мясницким ножом, но он увернулся.

Переулок. Как черный провал – никогда не знаешь, что там. Грязь под ногами, ноги проскальзывают, вонь такая, что наизнанку выворачивает. Видимо, торговцы используют это место как нужник... бр-р-р... мерзость какая.

Кирпичная стена. Эта намного выше предыдущих, метра четыре, даже больше. Как перебраться?

Огляделся – распределительный щит! Как и все щиты здесь – массивный, похожий на сейф, на замке – а то быстро незаконное подсоединение произведут. Здесь платят только тогда, когда нет возможности не платить, и живут честно, только когда нет возможности жить иначе.

Трубы – вверх, на восьми футах из них выходят провода. Сашка дал очередь – посыпались искры... хорошо пули тяжелые, иначе бы на рикошетах и сам словил. Прикоснулся – тока нет...

Как обезьяна прыгнул, уцепился, подтянулся... перепрыгнул... есть!

Впереди мелькнула черная чалма.

– Молодец! Ты опять сократил разрыв! Двадцать метров – направо! Свободно!

Черт, куда он бежит? Кто он вообще на хрен такой? Не похоже, что рядовой джихадист, – рядовой давно бы выдохся.

Борецков выскочил на очередную улицу – как раз для того, чтобы увидеть, как джихадист стреляет в кого-то. Увидев выскочившего из переулка преследователя, он поднял пистолет и несколько раз выстрелил в его сторону.

– Твою мать!

Сашка бросился на колени, прикрываясь лотком с фруктами от пуль. Пули выбили штукатурку из стены, его обсыпало этой штукатуркой, перед ним кто-то грохнулся на тротуар со всего маха... живые так не падают...

Стоя на коленях, он привел в боевую готовность автомат, перекатился, готовый открыть огонь. Красная точка в прицеле метнулась по бегущим людям... пусто. Его нет!

Борецков вскочил на ноги. Цели не было.

– Цели нет! – выкрикнул он.

– Беги вперед! На перекрестке тебя подхватят!

– Что?!

– Твою мать, беги!

Он побежал – как мог. Люди отшатывались, видя у бегущего парня автомат в руках. Хорошо, что улица была обычной улицей, грязной, с ухабами и с лавками. Он бежал прямо по проезжей части, маневрируя между туктуками и движущимися машинами. Местные сигналили ему...

– Он захватил мотоцикл, – сообщил Антарес, – сейчас опережает тебя метров на двести. Мы ведем его.

Просто удивительно, что еще нет полиции. Хотя... удивительного как раз мало, просто они слишком быстро передвигаются по городу, полиция за ними не успевает.

Загорелся красный. Машины тормозили, он пробивался между ними. На ходу сбил зеркало заднего вида...

Впереди пошел поток машин, включился зеленый. Просто поражаешься, сколько в этом городе транспортных средств... огромное количество транспорта и плохое состояние дорог делают передвижение по городу совершенно невыносимым. Англичане деньги вкладывали, но они вкладывали их только в стратегические трассы, ведущие к порту, к железнодорожной станции, к огромному металлургическому комбинату, расположенному прямо в черте города. Дороги, по которым передвигаются обычные жители этого города, их не интересовали...

Сашка лихорадочно завертел головой, зеленый уже моргал, он стоял перед потоком машин, и еще один поток был у него за спиной, а местные водители не станут тормозить только из-за того, что какой-то идиот стоит у них на дороге. Рядом затрещал мотоцикл, голос по-русски приказал:

– Садись, живо!

Это был «нищий». Борецков едва успел приземлиться на сиденье, как мотоцикл рванулся вперед...

Мотоцикл – лучшее средство передвижения по Карачи, и сейчас он оправдывал это на все сто. Четырехсоткубовая «Хонда», мотоцикл из восьмидесятых годов, производимый миллионными тиражами на заводах в континентальной Японии как средство передвижения для небогатых азиатов. Но не стоит пренебрежительно смотреть на этот мотоцикл: семь секунд до сотни, – это солидно, это почти что показатель спортивной машины, притом что в переводе на русские деньги он стоит меньше тысячи рублей...

Сашка хлопнул «нищего» по плечу, проорал в ухо:

– У него пистолет и гранаты!

– Я знаю! – прокричал в ответ нищий, и половину букв унес ревуший ветер. – Приказано брать живым. Это особо важная цель...

– Ничего не говорили!

– Приказ поступил сейчас! Не стрелять на поражение!

Еще не легче...

– Вон он!

Борецков увидел мотоцикл – вероятно, джихадист убил водителя, чтобы забрать мотоцикл, просто так здесь ничего не отдают. Опознал просто – по черной чалме на голове вместо шлема. Человек не оглядывался – и это неудивительно, они маневрировали в плотном транспортном потоке, как безумцы.

– Идет на восток! Это хреново!

Сашка понимал, насколько это хреново. На востоке – граница...

Они мчались по дороге, идущей параллельно так называемому «Суперхайвею» – части стратегической дорожной сети англичан, которая должна была служить транспортной артерией по доставке продукции Центральной Индии в порт Карачи для вывоза. Сейчас трасса была полупустая, но джихадист не делал попытки вырваться на нее...

Куда он едет, мать его так...

– Я могу подбить его! – проорал Борецков. – Пробить шину!

– Нет!

И почему – понятно. Если этот урод упадет с мотоцикла – он, скорее всего, попадет под грузовик. И то, что он везет, – тоже, рисковать так нельзя...

Словно отвечая на невысказанные мысли, джихадист на очередном повороте резко свернул налево.

– Идет на хайвей!

Короткая гонка – и вот асфальт под колесами сменился гладким, как стекло, бетоном...

– Держись!

Они вылетели на шоссе. Пять полос в одну сторону, пять в другую, высокие отбойники, реклама. Совсем недавно на этом шоссе было не протолкнуться от тяжелых, четырехосных грузовиков, везущих сорокафутовые морские контейнеры. Сейчас шоссе было полупустым.

Сашка увидел, что мотоцикл джихадиста – лицензионный, трехсотпятидесятикубовый «ДКВ». Это значит, на сто кубов меньше, чем их «Хонда». На скоростной трассе они его доставнут.

Словно понимая это же самое, джихадист коротко обернулся и выстрелил дважды в них. Нищий резко рванул руль, и они, пролетев между двумя метровой высоты ти-уоллсами, – это было место для разворота, – вылетели на встречку.

Пули пролетели мимо, выбив куски из бетона.

– Ах ты...

На них с гудением надвигался грузовик, Сашка видел белое как мел лицо водителя в низкой, расположенной на британский манер кабине водителя. В последний момент «нищий» дернул руль, прибавил газа – и они пронеслись между бортом грузовика и бетонной стеной отбойника...

Еще один грузовик. Решение надо было принимать мгновенно – и нищий снова увернулся. Мотоцикл начал смещаться влево, Борецков заорал в голос, мокрый как мышь, крик унес ветер. Но тут «нищий», как профессиональный гонщик, переложил руль, и они снова вылетели на свою полосу под аккомпанемент гудков...

Джихадиста не было. Его мотоцикла тоже.

– Он пропал! Он пропал!

«Нищий» начал перестраиваться с тем, чтобы мотоцикл был в крайнем правом ряду. Это было еще страшнее – на встрече ты хотя бы видишь, кто летит на тебя...

– Антарес, Антарес, контакт с целью потерян...

– Твою мать, Медведь, ты что, не слышишь? Он бросил мотоцикл, передвигается пешком. Бросайте свой мотоцикл сейчас же!

Видимо, наводчик уже вызывал его, и не раз – просто он не слышал от страха. Сашка хлопнул своего водителя по плечу.

– Стой! Выбираемся!

Они остановились у стены, которая огораживала дорогу и не давала заводиться кафушкам, торговцам и нищим по обочине. Справа тянуло дымом, дым поднимался к небу полупрозрачными лисьими хвостами...

Перевалились через метровой высоты бетонную стену, плюхнулись на землю. Дорога была на насыпи, насыпь шла вниз. За их спинами раздался грохот – видимо, брошенному на дороге мотоциклу пришел конец. Это скоростная трасса, почти германский автобан, тут бросать ничего нельзя...

– Господи боже... – проговорил Сашка, потому что больше сказать было нечего.

Нищий первым поднялся на ноги.

– Пошли, надо спешить. У тебя сохранилось наведение?

– Да. Антарес, Антарес, прошу наведения...

– Медведь, это Антарес. Цель движется пешком, направление – юго-восток, он думает, что оторвался от вас. Вы можете его перехватить. Немедленно начинайте движение прямо, пройдете примерно километр и перехватите его. Впереди лагерь нищих, пройдете через него...

– Антарес, вас не понял, повторите. Какой лагерь нищих?!

«Нищий» потянул носом воздух. Достал пистолет с глушителем, оттянул затвор, чтобы убедиться, что патрон в патроннике

– Мясовары, – уверенно заключил он, – пошли...

Мясовары?!

То, что он увидел, Сашка запомнил на всю жизнь. Для паренька из благополучной Империи, где есть бедные, но нет (совсем нет!) нищих, – это было шоком.

Лагерь мясоваров располагался у одного из мостов, построенного через реку Малир, текущую совсем рядом с Карачи, у промышленного района. Это было, считай, самое устье реки, оно подтапливалось, когда ветер гнал нагонную волну с Арабского моря, унося потом с собой тонны и тонны грязи. Словно какая-то насмешка – с того берега реки, по которому они шли, виделся недавно построенный североамериканцами (Монсанто) завод по производству удобрений и генетически модифицированных семян⁹. Это были высокие, покрашенные белым ангарами, похожие на космопорт из какого-то фантастического фильма, потому что они были круглые, а не обычные прямоугольные с крышей. Это зрелище видели каждый день пятьдесят

⁹ Генетически модифицированные семена – это семена, которые произрастают только один раз, – семена из урожая уже сами не дадут всходов. Эта технология имеется и применяется и в нашем мире – будь послушным, а то мы не дадим тебе семян и будет голод. В Российской Империи использование «одноразовых» семян каралось по закону.

с лишним тысяч человек, ютящихся в дельте Малира в крошечных хижинах, сделанных из подручного материала со свалки...

Было страшно. Огромный лагерь – но хижины, которые там были, были высотой по плечо высоким русским, а некоторые и того ниже. Многие жили и вовсе без хижин. Полно детей и полно крыс, которые настолько обнаглели, что не боялись людей совершенно.

Мясоварам со всего Карачи свозили ободранные кости с остатками мяса и то, что не шло в пищу. Мясовары варили все это прямо здесь, на кострах, в огромных котлах, этим и питались. В качестве топлива использовали все, что угодно, с деревом было плохо, оно было дефицитом – использовали те же резаные автомобильные покрышки. Кости так же размалывали в костопальнях на костяную крупку. На костопальнях работали дети, но не все, а только те, кому повезло. Остальные не работали нигде. Это был лагерь отверженных, выброшенных обществом людей – и шансов выбраться в нормальный мир, туда, где у людей есть дом, машина, работа, у них практически не было. Они были обречены провести всю свою жизнь здесь, в этом грязном, дымном аду, без каких-либо шансов что-то изменить...

Борецков вдруг почувствовал стыд.

Они шли через лагерь, прикрывая друг друга – и взрослые суетливо прятались в своих хижинах, а дети, еще не привыкшие бояться, перебегали за ними, их становилось все больше и больше. Из-за дыма было плохо видно, слезились глаза, но под ногами были кости, как после бойни, а прогалы в дыму открывали картины, достойные самого Иеронима Босха¹⁰. Даже люди здесь были почти что не людьми – темные, кривоногие, в грязной одежде, согбенные, передвигающиеся почти как обезьяны...

Это был две тысячи шестнадцатый год от Рождества Христова. Территория Российской Империи.

Сашка вдруг понял одну простую вещь. Что тот беспилотник, который постоянно следит за ними, недреманное око в небесах, обеспечивающее и наблюдение, и связь, а если нужно будет, то и огневую поддержку ракетами, – стоит дороже, чем кров и нормальная жизнь для этих людей. Для всех этих людей. Что в терроре есть что-то, что они не поняли до конца, не осознали. Что террорист – это не просто цель в прицеле твоего автомата, что это не объект ненависти, не фотография в деле оперативной разработки. Что это тоже человек – и стать террористом его подвигли какие-то жизненные обстоятельства. Что если единственный способ вырваться отсюда – это пойти в контору типа «Проповедь и джихад», как ту, которую они только что разгромили, и завербоваться террористом, – то в этом вина обеих сторон. Не только англичан – весь мир виноват в этом, даже русские. Виноват тем, что в мире, который они выстроили и который защищают с оружием в руках, нет места вот этим людям. Не предусмотрено. Просто проектом не предусмотрено. Тогда этим людям ничего не остается, кроме как бороться, бороться за то, чтобы уничтожить мир, в котором им не предусмотрено места. Чем такой мир лучше вообще никакого.

Он, боец отряда специального назначения ГРАД¹¹, выходец из интерната, у которого отец один – Его Величество, – не должен был так думать. Но он так думал.

Что-то было неправильно в мире.

– Медведь, это Антарес, слышишь меня? Связь пропадает...

Сашка поправил гарнитуру:

– Медведь на связи.

– Поторопись. Осталось немного. Направление верное.

– Понял...

Он хлопнул «нищего» по спине:

¹⁰ Средневековый художник, основная тема творчества – ад и адские муки.

¹¹ Группа активных действий, обычное наименование армейского спецназа.

– Поднажмем. Направление верное...

В дыму мясоварен впереди показался мост. По нему шла железная дорога, сейчас не действующая...

– Антарес, наблюдаю мост перед собой...

Антарес не успел ответить – совсем рядом свистнула пуля. «Нищий» и Борецков шарахнулись в стороны.

– Черт! Обстреляны, враг по фронту!

– Медведь, противник на мосту, он увидел вас. Он бежит!

– Понял! Он на мосту, вперед!

Не стреляя, они побежали вперед, кидаясь то в одну сторону, то в другую, чтобы помешать взять верный прицел. Тут дорога уже была получше, без грязи и костей, впереди была железнодорожная насыпь...

– Антарес, вы видите его?

– Медведь, противник бежит, поднажмите...

– Вас понял. Поднажмем!

Они вскарабкались на крутую, щебеночную осыпь моста на четвереньках...

– Чисто!

Впереди, в плывущей над рекой дымке виднелась дергающаяся спина бегущего, черная чалма. Сашка распластался на рельсах в положении лежа, прицелился из автомата, готовясь стрелять, но «нищий» пихнул его, заставляя подняться.

– Нельзя. Пошли.

Бежать по шпалам было тяжело, они были вымотаны до предела. Поезда ждать не следовало, не было тут поездов, но в любой момент можно было споткнуться и раскровенить все лицо. Человека в черной чалме уже не было видно.

– Антарес, нет визуального контакта! Нет визуального контакта!

– Медведь, за мостом направо. Ублюдок снова бежит.

– Понял...

– Медведь, осталось немного. Ястреб-три занимает позиции в полукилометре восточнее вас. Вы гоните его прямо на засаду, держитесь...

Легко сказать...

Мост кончился. Снова насыпь, внизу зелень – здесь берег укрепляли англичане, такого свинарника, как на противоположном берегу, нет. Что-то вроде курорта тут хотели создать... вроде бы...

Снова свистнула пуля, но они были уже так измотаны, что не обратили внимания. С оружием в руках они бежали по склону, чуть не падая. Сашке вспомнился их инструктор по альпинистской подготовке. Когда они встретили такую же вот осыпь на скале и надо было спускаться после тяжеленного подъема с рюкзаками – кто-то из кадетов предложил просто съехать вниз, как на горке. Инструктор тогда сказал – до низу только уши твои доедут...

– Антарес, мы обстреляны, попаданий нет. Дайте вектор движения.

– Медведь, у меня плохие новости. По фронту от вас вооруженные люди, они бегут по направлению к вам.

– Мать... Возможный контакт с фронта!

Они моментально шарахнулись в стороны, чтобы не зацепило одной очередью. Оружие – перед собой, в сторону возможного контакта.

– Антарес, вопрос – сколько их?

– Пока вижу троих. Вооружены автоматами. Занимают позиции...

– Антарес, где именно?

– Двое у пикапа. Старый белый пикап. Еще один – противоположная сторона улицы, за углом...

– Антарес, вас понял. Что с основной целью?

– Нам удастся отслеживать ее, она идет напрямиком в засаду...

– Черт, если мы не будем ее подпирать, она остановится. Останется здесь, и придется выкуривать ее отсюда. Идем вперед!

Впереди были какие-то строения, возведенные явно местными, не англичанами. Все сильно походило на строительный городок, заброшенный в связи с последними событиями.

– Антарес, давай отсчет до засады.

– Идешь правильно, на повороте направо. Так... сто пятьдесят. Сто сорок пять... сто сорок... Сто тридцать пять...

Как и всегда бывает – план застать засаду врасплох и самому стать для нее засадой рассыпался на куски при столкновении с реальностью. Справа открылась дверь, появился бородач с помповым ружьем. Увидев двоих, он вскинул оружие.

– Аллах Акбар!

Две пули в грудь отбросили его назад, он упал – и одновременно с этим спереди заговорили автоматы...

– Прикрой!

Борецков несколько раз выстрелил одиночными в сторону стрельбы, за это время «нищий» перебежал улицу и оказался рядом с поверженным стрелком. Через секунду оглушительно бабахнуло ружье.

– Пошел!

Сашка перебежал вперед, пробежав мимо двух машин, и скрылся за третьей. Распластался на земле, ища цели... есть! Нога! Нога у колеса.

Он выстрелил. Раздался крик, боевик дернулся – и Борецков попал ему во вторую ногу. Трижды раз за разом выстрелило штурмовое ружье.

– Один готов! – заорал по-русски нищий. По-русски, чтобы наверняка не поняли враги.

Непонятно только – то ли другой, то ли этот же.

– Прикрываю, пошел!

«Нищий» пробежал мимо. Сашка увидел автоматный ствол и дал два выстрела. Автоматчик решил не рисковать, даже стреляя вслепую.

– Пошел!

Еще один рывок вперед. Что-то мелькает в воздухе.

– Граната!

Но вместо того чтобы побережся, Сашка просто перевалился через капот низкой, стоящей на кирпичных легковушки, рассчитывая на то, что корпус машины укроет его от осколков.

Взорвалась граната. Боевик допустил ошибку – он метнулся через улицу, надеясь укрыться и отступить и что его не пристрелять из-за этого манера. И ошибся – Борецков срезал его на середине улицы, тот упал в грязь лицом и не шевелился...

– Граната!

Борецков бросил вперед светошумовую, дождался, пока она взорвется, и бросился вперед, надеясь зацепить автоматчика за углом.

Автоматчик улепетывал, ошеломленный взрывом гранаты, – и Борецков расстрелял его в спину, когда он убежал.

– Чисто!

Он упал на колени за тем белым пикапом, за которым прятались двое, схватил того, у которого он отстрелил ноги, и потащил за пикап. Одна ступня оторвалась и осталась у него в руках, но ему было на это плевать, в свои двадцать лет он видел и худшее...

Автоматическая винтовка – старая «FNC» с подствольным гранатометом американского производства, патроны к ней и гранаты. Весь нагрудник был в крови, но это не повод, чтобы

отказываться от шести полных магазинов и гранат к подствольнику. Особенно если учитывать, что у него для его автомата – меньше магазина патронов.

– Эй!

«Нищий» шноровисто шмонал своего «двухсотого», ему достался старый, черный карабин на базе «М16», судя по надписи на ствольной коробке – выпуск начала восьмидесятых годов, тогда североамериканцы массово перевооружались на новую винтовку Сноунера, распродавая старые карабины по дешевке. К нему были длинные «индокитайские» магазины на сорок патронов и совсем старый, но, видимо, еще годный прицел «Оксфорд».

– Хочешь? – Борецков предложил свой трофей. Все-таки американский карабин как единственное оружие не годится... слишком задержек много.

– Нет, – качнул головой нищий...

– Антарес, здесь Медведь. Засада сбита, готовы идти дальше, дай направление.

– Медведь, плохие новости. Две машины, до десятка боевиков, идут к вам...

– Черт... Сколько у нас времени?

– Минут пять, Антарес. Уходите оттуда. На одной из машин вижу пулемет, повторяю – пулемет. Идут к вам слева...

Сашка поманил рукой «нищего». Тот перебежал к нему.

– Две коробочки, десять духов, – сообщил Борецков, – один пулемет. Подходят справа. Бьем или бежим...

Взгляд «нищего» пробежался по улице, по крышам.

– Бьем. Пошли, я тебя подсажу. Подашь потом мне руку.

Территория под контролем Российской Империи Восточнее Порта Карачи, бандитская территория Спецназ морской пехоты 22 августа 2016 года

Белый носатый «Бедфорд» администрации порта, ничем не примечательный в общем потоке машин, быстро катил по шестнадцатой дороге, ведущей на восток и идущей, в отличие от суперхайвея, параллельно береговой линии по болотам. За рулем был человек, похожий на местного, но относящийся к той самой группе, которую высадили два дня назад с «Екатерины», – а вот в просторном грузовом отсеке были совсем другие люди...

Их было восемь человек. В отличие от действующих под прикрытием спецназовцев, они не считали нужным отращивать бороды и учить местные языки, а также одеваться в вонючее местное шмотье. На них были черные огнеупорные костюмы (при бое в надстройках корабля обычно там крошечная темень, и черный является самым лучшим камуфляжем), титановые шлемы, выдерживающие пушечный выстрел в упор, и укороченные автоматические винтовки в руках. В группе было два пулеметчика, у них были штатные пулеметы, но с мощными фонарями на цевье и с укороченными против обычных стволами – с длинными трудно поворачиваться в тесноте корабельных коридоров. Вероятно, в искусстве ближнего боя эти люди были лучшими – их учили сражаться в крошечной темноте, по горло в воде, в узких коридорах давшего сильный крен, тонущего корабля. Каждый из них готов был отреагировать на что угодно – на вылетевшую в коридор гранату, на шквальный автоматный огонь, на пожар, – это было их службой. Это был спецназ морской пехоты, группа обеспечения безопасности с авианосца «Екатерина Великая».

Эти люди были направлены с вертолетом, который забирал раненых из порта и сейчас в их задачи входило захватить особо важную цель, причем взять обязательно живьем и со съемным диском к серверу, на котором должна была быть особо важная информация. Дополнительные задачи – вытащить группу спецназа в составе двух человек, которая загнала особо важную цель, но сейчас сама попала в критическую ситуацию, – и зачистить район, который, как оказалось, кишит боевиками.

Девятый, сидевший за рулем спецназовец резко повернул руль – и машина вылетела на авеню Первого графа Бирманского¹². В кузове раздались раздраженные крики, кто-то застучал в кабину кулаком.

– Так... фотографии особо важного объекта... – командир спецгруппы, майор по адмиралтейству Мороз пустил по рядам фотокарточку. – Этого брать только живым, приказ поступил из Кабула. Все слышали?

– А если засадить в ногу? – поинтересовался один из морпехов.

– Только в самом крайнем случае. Приказ из Кабула недвусмысленный. Кто будет пороть отсебятину – лучше вешайтесь...

– Так точно...

– Как мы узнаем спецназовцев? Пропавшую группу?

– Никак. Антарес даст наведение.

– Пределы применения силы?

– Стрелять по всем, кто оказывает сопротивление.

¹² Лорд Луис Маунтбаттен, брат Его Величества, Короля. В нашем мире – последний генерал-губернатор Индии. Погиб в результате террористического акта в семьдесят девять лет.

Автобус еще раз резко повернул.

– Козел. Как дрова везет...

– Так, еще раз проверить снаряжение. Быть готовым к серьезной схватке. С нами Бог, Господа...

– С нами Бог, за нами Россия...

Морпехи в последний раз проверили снаряжение, оружие. Многие – на манер североамериканцев – носили за спиной короткие обрезы, сделанные из помповых ружей со сменными насадками – если правильно подобрать насадку, то рассеивание будет такое, что захватит весь коридор, не попасть невозможно. В качестве основного оружия у всех были укороченные автоматы Калашникова – флот, в отличие от армии, так и не перевооружился на более современное оружие, но вместо стандартного магазина на тридцать патронов многие пристегивали длинный, на сорок пять или барабан на девяносто. Бой на палубах судна – особый вид боя, часто огонь ведется вслепую, на подавление, и кто может его вести дольше, тот и победил. Обязателен фонарь – многие брали самый мощный, добивающий метров на пятьсот, фонарь – это тоже оружие, можно ослепить противника. Сейчас, конечно, фонарь не пригодится – незачем...

Под колесами загремело.

– Проходим мост.

Значит, совсем близко.

– Заряжай!

Залязгали автоматные затворы...

Гул под колесами прекратился – снова пошла дорога.

– Три минуты...

– Три минуты! – Командир группы поднял три пальца, и все сделали то же самое.

Машина стала притормаживать...

– Что там? – спросил командир морских пехотинцев.

– Черт... полиция.

С самого начала Россия, не желая проблем с новоприобретенным городом-портом, чужим и довольно враждебным, никогда не принадлежавшим России до этого, повела очень либеральную политику. Была реализована вековая мечта имперской геополитики – прямой выход в Индийский океан и возможность построить современную военно-морскую базу, чтобы обеспечить постоянное присутствие русского флота в этом регионе, надежное присутствие. Порт Аден, который использовался до этого, не способен был принимать ударные авианосцы, Персидский залив легко было перекрыть, да и там не было нормальных глубоководных портов. Местом, пригодным для строительства крупной военно-морской базы и нового русского города, был признан небольшой рыбацкий и контрабандистский город Гвадар на побережье Арабского моря. Карачи же без особых усилий получил статус «Вольного города». Этот статус предполагал, что в городе остается местное самоуправление, русские здесь будут лишь гостями, хоть и почетными, количество русских военных сил будет ограничено, местная полиция останется на своем месте. Более того, рядом с портом были выделены участки под беспошлинные зоны – то есть там можно было изготавливать товары и экспортировать потом их, не платя никаких пошлин. Одесса, получив такой статус, стала жемчужиной у моря. Карачи...

Как оказалось потом – это было больше чем преступлением, это было ошибкой. Отказ от модернизации, отказ от наведения имперского порядка. Местный народ не смог навести порядок в городе все то время, пока он существовал, – и дело было не в англичанах. Восток стал русским только после того, как русские пришли и сказали – мы будем жить по-новому. Не по-старому – а по-новому. И в крови, в грязи, под грохот выстрелов все же вытащили эту планиду из трясины вневременного существования, включили в современный мир, где секундная стрелка часов – главная. Здесь русские отказались это делать – по крайней мере пока.

Увидев полицейский пикап, спецназовец решил не нагнетать. Портовый фургон имел на стекле специальную наклейку, означающую, что досматривать его нельзя. Кроме того, в кармане приятно шуршали купюры... а местные полицейские за деньги готовы были сами совершить преступление, не то что покрыть – недаром большинство профессиональных убийств в городе совершались полицейскими, решившими немного подзаработать. Потому шансы, что машину пропустят, платно ли, бесплатно ли, равнялись ста процентам. Ну, или около того.

И, лишь увидев, как полицейский, вышедший из машины, поднимает пистолет, спецназовец понял, как он ошибся. Его автомат лежал на соседнем сиденье, опередить уже держащего пистолет полицейского было невозможно. Грохнул выстрел – и ничего не осталось, только грохочущая чернота...

Полицейский успел выстрелить еще раз – прямо в лицо... точнее, не в лицо, а в что-то, похожее на голову того, кто вывалился из боковой двери. Человек в черном комбинезоне, падая, нажал на спуск автомата – и длинная очередь прострочила полицейского-исламиста от паха до груди. Брызгая кровью, он повалился на обочину...

Остальные полицейские – тоже тайные сторонники «Проповеди и джихада» и тому подобных организаций, готовившиеся расстрелять микроавтобус, – сделать это не успели. Длинные автоматные очереди превратили и их, и машины в некое подобие дуршлака, только вместо воды – из десятков ран брызгала кровь.

– По фронту чисто!

– С тыла чисто!

Впереди горохом сыпалась стрельба. Командир морских пехотинцев подошел к кабине фургона, мельком взглянул – пробитое пулей крупного калибра стекло, кровь... чуть не стошнило.

– Жив?

Малек, их санинструктор, на секунду оторвался от работы.

– Жив, но в тяжелом состоянии. Пуля прямо в лицо. Крупного калибра. Если бы не стекло – п...ц.

Мороз взглянул вперед, туда, где была перестрелка. Перестрелка не прекращалась...

– Черт, Антарес, я Молот, ответьте... У нас пострадавший...

– Молот, мы видим вас. Вопрос, вы можете продвигаться вперед?

Майор на секунду вслушался в перестрелку. Лучше бы предупредили, гады. Хотя... как тут предупредишь – вот эта мразь. В полицейской форме на полицейской машине – мало ли что у него может быть на уме.

– Да, можем, Антарес. Пришлите вертолет для эвакуации. И наводите нас...

– Молот, вас понял, вертолет уже летит к вам. РВП – пятнадцать минут... Направление – прямо, на двенадцать, ориентир – крупное трехэтажное здание. По улицам перемещаются боевики, не меньше двадцати человек.

– Антарес, вас понял. Так... ты и ты, – майор указал на двоих, – остаетесь с Мальком и ждете вертолета. Остальные – за мной.

Было непонятно, чего ждать. Было страшно – с чужим оружием, пусть оно и доказало только что свою исправность, когда стреляло в тебя. Было страшно – двое против десяти. Но никакого иного выхода не было...

– Антарес, ты видишь нас? – спросил шепотом Борецков, распластавшись на крыше...

– Так точно, Медведь. Движение в вашем направлении. Можете пропустить.

– Антарес, мы решили драться. Дашь наведение, отсчет от меня, все понял? Мы не можем высовываться.

– Давай сыграем, Медведь. Они слева от тебя, пятьдесят метров. Поворачивают. Первым идет пикап. Один человек у пулемета, еще один смотрит в твою сторону, как минимум один в кабине. Второй... тоже пикап. Шесть человек в кузове, ракетная установка РПГ. Смотрят по сторонам. Как понял?

Сашка жестами показал «нищему» – шесть человек на тебе, один карандаш¹³. Тот показал большой палец. Хорошего было мало – «М16» хуже, чем «FNC», больше шансов, что заклинит на автоматическом огне. Но уже не переиграешь.

– Антарес, давай отсчет. Мы готовы.

– Одиннадцать. Десять...

Первым – автоматчика, он намного опаснее пулеметчика, в разы опаснее. Пулемет на короткой дистанции бесполезен, у него ограниченный станком и щитом угол обстрела, его огонь практически невозможно быстро перенести на другую цель, чаще всего у пулеметных станков угол обстрела – сто восемьдесят по фронту, если не меньше – назад уже не постреляешь. Это не автомат – прицелился и пали. Затем – самого пулеметчика, потом – огонь по кабине.

– Пять... четыре...

Черт, все-таки неправильно... какая ерунда в голову лезет. Те люди – они ведь сами вместо того, чтобы хоть попытаться навести порядок, хоть что-то сделать, берут в руки оружие, начинают убивать.

И все-таки жаль их. Что за жизнь...

– Три... два...

Как сердце стучит. Каждый раз – пятьдесят на пятьдесят, или ты, или тебя. В сущности, вся их жизнь. Вся их служба – вызов судьбе. Нарушение законов математики. Попраение теории вероятности...

Сашка толкнулся от крыши, вставая на колени, – малоизвестная, но удобная, устойчивая поза для стрельбы. В незнакомом прицеле – чужие, злые глаза, борода с проседью. Винтовка отдает в плечо, красное облачко – попал. Все происходит в тишине, не слышишь даже, как стреляешь сам. Переводишь прицел... пулеметчик – так и есть – пытается провернуть пулемет, он уже прикипел к нему, не понимает, что – все. Еще один выстрел... есть.

Длинная очередь сбоку – и уже не до стрельбы. Что-то бьет в бок, как молотком... и тут мир обретает привычную скорость. Боевики во втором пикапе не мертвы, черт бы их побрал – не мертвы, и один из них хлещет из автомата, из-за толчка плохо прицелился. Прицел... черная метка прицела на лице... толчок, еще толчок. Перекат... очередь. Длинная, «на все деньги», на все, что осталось в магазине, очередь. Пальцы уже нащупывают гранату... рывок кольца... бросок... как в интернате – одна из самых любимых их игр была лапта, или, как ее называли иностранцы, русский бейсбол. Негромкий взрыв... это только на экране бросил гранату – и пламя до неба, на деле же при взрыве пламени почти не бывает... просто сухой, трескучий хлопок и дым...

И все...

Ответного огня нет.

– Господин подполковник, живы?

Лежащий навзничь на крыше подполковник открывает глаза:

– Поживу еще... Винтовка... мать ее...

Так и есть. Отказала. Черт бы ее побрал.

– Сейчас...

– Да сам справлюсь... – подполковник вдруг рванулся. – Сзади!

¹³ Карандаш – гранатомет на сленге. У спецназовцев и у боевиков сленг был один и тот же, так проще.

Борецков обернулся. Первая машина! Он не обстрелял кабину водителя и за это теперь поплатился. Водила рванул вперед, заехал за угол, вышел из машины и теперь напрямую угрожал им.

Сашка вскинул автомат. Палец лег на спусковой крючок подствольника... есть. Приклад сильно ударил в плечо, граната пошла к цели – взрыв. Из-за угла вываливается изорванное осколками тело... последний.

– Так... давайте...

У каждого из спецназовцев в аптечку входило то, при виде чего военные медики приходили в бешенство, – рулон сантехнической изоляции, которая предназначена для того, чтобы латать водопроводные трубы. Эта штука как раз предназначена для того, чтобы приклеиваться к мокрой, грязной, неровной поверхности и держать намертво – лучше для того, чтобы быстро заклеить рану, и не придумашь. Сашка наскоро отхватил несколько кусков этой самой изоляции, сыпанул гемостопа, заклеил. Пару часов так можно продержаться...

– Воюем или уходим?

Спецназовец – а ему было не меньше сорока, вдвое старше Сашки – засмеялся.

– Ты откуда такой лихой?

– С интерната...

– Понятное дело. Машина целая есть?

– Есть. Я одну не подбил.

– Тогда – чего сидим? Ну-ка, помоги встать... вот так...

– Спускаться...

– Я еще тебя обгоню. Давай-ка...

Пикап был старым, марки «Симург» персидского производства – но целым, рабочим, с почти полным баком. Самое главное, в кузове настоящее сокровище, крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина, со щитом, на морской тумбовой турели, с сиденьем для пулеметчика. Полный короб, пятьдесят патронов и рядом, в держателе, еще два. Такая штука могла разобрать на части жилой дом.

– Сможете за руль?

– Хрена, – проговорил «нищий», кривясь от боли, – ты за руль, я – за пулемет.

– Нельзя...

– Пошел... сказал. Пошел!

Сашка достал маяк, хлопнул на крышу кабины. Выбросил из кузова труп, помог «нищему» подняться в кузов.

– Я, кстати... Багаутдинов... морская пехота, полковник по Адмиралтейству... – «нищий» скривился от боли, сплюнул в сторону, – служил, как и ты, в ГРАДе, потом кхе-кхе на пенсию... да больно скучно стало... с внуками-то. Веришь... нет... первый раз подстрелили.

– Борецков, – сказал Сашка, садясь за руль. – Южный учебный центр.

– Ага... ну, давай... Аллах с нами...

Машина была простой, привычной – почти как «Интер», только немного поменьше. Североамериканские машины отличаются тем, что у них рычаг переключения передач за рулевой колонкой, а не между сиденьями, как у людей. Но ничего, удобно...

– Антарес, я Медведь, прием...

– Медведь, я Антарес, вижу вас. Оpozнание по маяку, верно...

– Верно, Антарес... – Сашка не стал докладывать о том, что произошло, смысла не было, – дайте новое направление. Полковник... полковник ранен, но мы еще боеспособны. Дайте направление, у нас чужой транспорт, мы можем... заставить их врасплох...

Находившиеся на территории бывшего строительного комплекса боевики имели неплохой опыт, но они никогда до этого не имели дела со спецназом морской пехоты.

Оставшиеся впятером морские пехотинцы проломили ряды боевиков, как таран. Пулеметы пулями с вольфрамовым сердечником пробивали стены домов, автоматчики поддерживали пулеметчиков более точным огнем. В отличие от боевиков на русских была серьезная защита, бронежилеты, выдерживающие попадание автоматной пули, и шлемы, тоже много чего выдерживающие, в том числе и автомат, если не в упор. К тому же за русскими были тысячи и тысячи часов тренировок, тренировок совместных, когда вся группа действует как единый боевой организм. За боевиками ничего этого не было...

– Вправо. Пятьдесят вперед...

Точно, недострой. Какие-то здания... построены из бетона, но при этом не достроены, только первые-вторые этажи возведены. Наверное, делали что-то вроде туристического центра близ побережья, да не доделали. Или богатые районы... богатые здесь предпочитают селиться отдельно, богатые и англичане, у них специальные районы в городах, они обнесены стеной, и их охраняет армия – от остального народа. Вся армия здесь предназначалась не для войны с неприятелем, а только для контроля этой территории и подавления народных волнений...

Дорога была неровная, ухабистая, а машина была полупустой, поэтому козлила изрядно, руль бил по рукам, макушкой чуть не до потолка доставал. Несколько раз он видел боевиков, и ему большого труда стоило не стрелять в них, а просто вести машину дальше. Они тоже не обращали на них и на машину внимания: машина знакомая, в машине бородастые...

Они ехали на звуки боя – боя солидного, с разрывами гранат, с пулеметной стрельбой...

– Антарес, здесь Медведь, подходим к цели. Нужна обстановка...

– Медведь, обстановка такая. Цель в здании, здание двухэтажное, укрепленное, скорее всего, там исламский комитет. Морская пехота пыталась пробиться к зданию, но встретила ожесточенное сопротивление.

– Ясно...

Пикап с установленным на нем пулеметом вырвался на площадь и остановился. Из всех окон вели автоматный огонь, но не по ним, они, получается, зашли с фланга. Наоборот, их, наверное, приняли за прибывшее подкрепление...

Странное какое-то здание. С колоннами. Видимо, кинотеатр, центр досуга... что-то в этом роде делали. Очень безвкусно...

– Антарес, я иду к цели. Предупредите морскую пехоту, чтобы не стреляла по мне.

– Медведь, это невозможно. Оставайтесь на месте и поддержите морскую пехоту огнем! К зданию не приближаться! Вы слышите – к зданию не приближаться, повторите приказ!

– Ни хрена я не слышу...

Борецков выбрался из машины. Проверил свой пистолет с глушителем, затем трофейный автомат. Перезарядил подствольник, проверил гранаты. Примерно прикинул путь к зданию. Часть огневых позиций находилась вне стен здания, стрелки прятались за колоннами.

– Я собираюсь рвануть внутрь. Прикроете?

– Один?!

– Так точно, господин полковник...

– Ты охренел, нельзя!

Сашка улыбнулся:

– Я интернатский, господин капитан. Мне – можно.

– Сказано – нельзя, оставайся на месте, отморозок чертов! – бывший морпех не шутил.

– Пожелайте лучше удачи...

– Твою же мать...

Борецков, пригнувшись, рискуя каждую секунду попасть под огонь стрелков, простреливающих площадь, побежал к зданию. Пули цвикали то тут, то там... но ни одна каким-то чудом не задевала его.

Лежащий за остатками строительного бульдозера пулеметчик боевиков обернулся... его лицо за мгновение из изумленного стало растерянным, а потом яростным, он каким-то образом понял, что бегущий к нему молодой, бородатый человек – не моджахед, а враг. Но было уже поздно – Борецков застрелил его из пистолета с глушителем с нескольких шагов, пули попали в голову – и пулеметчик упал на свое оружие...

Пулемет.

Укрывшись за бульдозером, Сашка проверил пулемет. Отличная штука – «MAG» со стальным прикладом-трубой¹⁴, тяжелый, но чертовски действенный, с брезентовой сумкой на сто патронов. Эти сумки были без стального каркаса, типично британское изобретение – но их можно было вешать на шею и так бежать. Было еще три сумки, Борецков не торопясь перезарядил пулемет, оставшиеся две сумки повесил на шею. Показал Багаутдинову большой палец, тот в ответ показал кулак из-за щита – он до сих пор не стрелял.

Тридцать метров!

С пулеметом Сашка преодолел их за десять с небольшим секунд, хотя казалось, что прошло десять с небольшим часов. Упал на колени, прикрываясь колонной, – добрался! Выдернул гранату, бросил в окно, которое было ближе всего.

Хлопнуло. Раздался крик...

– Аллах Акбар!

Держа пулемет за сошки, Борецков нажал на спуск – и выскочившего из-за колонны боевика, так и не понявшего, что произошло, пулеметные пули сбили с ног и отбросили назад. Через секунду точно такая же судьба постигла и второго боевика...

Борецков бросил зеленую дымовую шашку, чтобы показать, что с правого фланга свои. Затем бросил гранату в соседнее окно, но не осколочную – а светозумовую, – и полез внутрь, с пулеметом в руках и автоматом за спиной.

Боевики, которых в здании было немало, так и не поняли, что происходит. Он вышвырнул в коридор светозумовую – а потом выскочил сам. Половины пулеметной ленты хватило, чтобы очистить коридор, двое из боевиков убраться не успели и так и остались лежать. Еще один попытался высунуться в коридор – и получил несколько пуль. Остальные не рискнули, попытались выбросить гранату, но Сашка перевернул стол и укрывшись за ним – массивная столешница выдержала осколки. Коридор был «спинным хребтом» здания, и, взяв его под контроль, Борецков лишил боевиков возможности маневрировать, запер их в комнатах. Поняв, что происходит, пошли в атаку и морские пехотинцы...

– Готов?

Второй морской пехотинец кивнул.

– Бойся!

Технология штурма помещения была отработана до мельчайших деталей, и мало кто мог выполнить ее лучше, чем морские пехотинцы из Группы обеспечения безопасности. Один ударил ногой в дверь, второй бросил внутрь черный цилиндр светозумовой. После быстрой по глазам вспышки морпехи ворвались внутрь.

– Ложись!

Один из боевиков пытается выдернуть чеку из гранаты, но не успевает и так и падает – с гранатой в руке и двумя пулями в голове. Второй – подслеповато щурясь, держал руки перед собой. В руках ничего не было...

¹⁴ Примерно как плечевой упор на «ДШК», очень удобный. В нашем мире такой приклад есть на китайской копии «MAG».

Морские пехотинцы сбили его на пол, затащили на запястьях пластиковую ленту одно-разовых наручников. Такое тоже бывало... все знали, что русским предписано брать в плен боевиков, если они не сопротивляются, расправы запрещены. Если на тебя ничего не было в картотеке – можно было бросить автомат и просто поднять руки. Что часто и делали – умирать тоже не всем охота, пусть и за семьдесят две девственницы. Задержат... там поменяют, или вообще отпустят.

– Чисто!

– Чисто!

Один из морских пехотинцев показал рукой на искореженный предмет.

– Командир, глянь...

Это было что-то вроде коробки... частично пластик, частично алюминий – с ручкой. Размером примерно десять на пятнадцать...

– Жесткий диск, – моментально опознал командир, – похоже, пытались уничтожить.

– Это цель?

– Возможно.

– Я малька позову, он...

Майор по адмиралтейству Мороз с силой пихнул своего подчиненного кулаком в плечо:

– Он тебе не малек, ясно? Иди пригласи его.

Тяжелый транспортный вертолет «Сикорский-80» тяжело плюхнулся на обозначенную файерами посадочную площадку, взбивая пыль громадным семилопастным ротором. Сопровождавший его канонерский вертолет – сейчас эту роль выполнял «Сикорский-59», вооруженный тремя пулеметами и гроздьями ракет, – описывал в небе круги, как встревоженная овчарка вокруг овечьего стада...

Прибывшие с вертолетом морские пехотинцы обеспечили периметр и помогли спецназовцам подняться на борт, прихватив с собой всю добычу, какая у них была. Сопротивления практически не было.

Сашка поднялся на борт вертолета последним. Это тоже была традиция... последним поднимался самый храбрый... и сейчас все поднялись перед ним.

Стальной пол под ногами дрогнул, земля пошла вниз, и все – кровь, смерть, ужас, вонючий дым и приторно-мерзкий запах крови, – все оставалось там, внизу. Тяжелый вертолет разворачивался в воздухе, поднимаясь все выше, и вот их уже было не достать из гранатомета... на самом краю аппарели у своего пулемета сидел канонир, человек, послуживший и повидавший всякое, и он ухмыльнулся молодому бойцу и показал большой палец. Вертолет поднимался все выше... и вот уже стала видна вода... они возвращались на свою землю, на принадлежащий России и только России стальной остров в этих водах... все кончилось, и все наконец-то было правильно. Борецков повернулся и, держась за леер, натянутый у стенки, пошел в глубь десантного отсека.

Там спецназовцы и морские пехотинцы снимали свою амуницию, оказывали себе и друг другу первую помощь, говорили друг с другом о том, что произошло. Перед Сашкой расступились, он подошел к лежащему на носилках «нищему», который говорил на балуджи, на русском, но при этом почему-то оказался чеченцем.

– Сейчас прибудем на авианосец.

«Нищий» поймал его руку, стиснул в своей:

– Молодец, малек. Кличка есть?

Сашка покачал головой:

– Нет.

– Теперь будет. Будешь Аскером. Ты не горец – но тебе эта кличка подходит.

– Спасибо.

– Не благодари. За это не благодарят.
Сашка отдал честь.
– Служу России и спецназу.
– Служи... Аскер.
И кто-то похлопал его по плечу.

Аравийское море Ударный авианосец «Екатерина Великая» 23 августа 2016 года

Ударная авианосная группа, смещаясь на северо-восток, стояла уже почти что на траверзе Карачи, – по крайней мере, было видно зарево на горизонте. Отдельные огни порта видны не были, но зарево было – неяркое, но заметное свечение на фоне темного неба...

Сашка Борецков, ставший Аскером, воином, чьей храбрости изумляются друзья и устрашаются враги, стоял чуть в стороне от главного грузового лифта, призванного поднимать на палубу тяжелые, под сорок тонн истребители-бомбардировщики, чтобы отправлять их в полет. Пару часов назад этот лифт опустил на вторую палубу тело полковника морской пехоты Багаутдинова...

Они довели его до авианосца живым, ему сделали нужную операцию. Просто не выдержало сердце, и это когда врачи говорили, что жизни полковника Багаутдинова ничего не угрожает.

Коновалы проклятые...

Аскер просто смотрел на горизонт, когда кто-то из палубной команды осмелился приблизиться к нему.

– Летный день закончен, мы...

– Я найду нужный люк.

Аскер просто стоял и думал. Ему надо было подумать.

Тихие шаги.

– Я вот думаю, господин полковник... – не оборачиваясь, сказал Аскер, – на хрена это все нужно, а?

– Ты имеешь в виду...

– Вот это. С кем мы ведем войну? С этими нищими, грязными, завшивленными людьми? Зачем? Им это не надо.

– Это нужно нам.

– Нам... Зачем?

Полковник встал рядом:

– Тот человек, кто учил меня, он сказал один раз мне – если ты не идешь на войну, война придет к тебе. Мы сражаемся здесь для того, чтобы это не пришло к нам.

Полковник помолчал и добавил:

– И это важно.

– Да я понимаю. Только...

– Когда кто-то гибнет, – сказал полковник, моментально почувствовав, о чем идет речь, – я всегда вспоминаю Суру из Корана. никоим образом не считай погибшими тех, кто пал, сражаясь на пути Аллаха. Нет, они живы, просто вы не можете этого понять.

– Тот, кто умер, он просто умер, и все. Как мои родители.

– Нет, не так. Если кто-то умер – дела его рук остаются с нами. И значит – его будут помнить. Значит – он жил не зря.

– А что останется после нас?

– Мир, лучший, чем тот, в который мы пришли. Я верю в это.

Полковник посмотрел на звезды.

– Местные просто забыли о том, что иногда надо смотреть на звезды... С диска, который вы взяли, мы получили свежие данные о целях. Есть новое задание. Ты готов?

Борт тяжелого транспортного вертолета вибрировал мелкой дрожью даже через мат шумоизоляции, неприятно напоминая о себе. Хвостовая аппарель была откинута, пулеметчик занимал позицию около нее, еще двое расположились по бортам. Вертолет был загружен меньше чем наполовину – в каждом из двух вертолетов было по тридцать отборных бойцов амфибийных сил флота, большей частью морская пехота, меньшей частью спецназ. Ради этой операции оголили почти все корабли, собрали всех, кто только мог воевать, – в конце концов, «Екатерина» исполняла чисто ударные задачи, это вам не корабль – док морской пехоты. До цели было около пяти минут, все сосредоточенно готовились к бою.

Командир – переговорив о чем-то с штурманом в пилотской кабине – повернулся к десантникам, заорал во всю глотку:

– Так, внимание! Внимание на меня!

Он поднял руку, в руке была фотография.

– Наши цели – вот эти здания. Там находится крупный транзитный пункт, с которого боевиков переправляют дальше. После ликвидации одной из точек они попытаются скрыться, мы должны заблокировать район, где они находятся. Дальше – либо уничтожаем самостоятельно, либо ждем подхода морской пехоты и казаков. Боевые приказы...

Дальше шло про командиров групп – блокирования, зачистки, снайперов, Аскер почему-то пропускал это мимо ушей. Он ушел в себя, решил немного побыть наедине с собой перед боем.

Пулеметчик, который был подключен к общей радиосети вертолета, показал один палец.

– Одна минута! Приготовиться!

У этого вертолета – две точки сброса: люк в полу и лебедка в хвосте, которой нельзя пользоваться, когда работает пулемет. Сам по себе вертолет не десантный, а спасательный, быстро его не покинешь. Обычно через люк в полу спускают снаряжение и тех, кто придан группе и кто не нужен на земле прямо сейчас. Через хвост спускается прикрытие вертолета и штурмовая группа. После нескольких инцидентов правила изменили – теперь группа прикрытия вертолета спускается на тросах до посадки вертолета и прикрывает его посадку уже с земли.

– Шашки наголо!

Команда из старой армии, кавалерийская. Вертолетные части обычно появлялись на базе легких кавалерийских – уланы, гусары. Многое шло оттуда. Сейчас по команде «шашки наголо» ты просто досылаешь патрон в патронник, ставишь автомат обратно на предохранитель и включаешь прицел...

Вертолет начал замедляться. Бойцы уже выстроились к точкам сброса...

Потом вертолет встряхнуло... это был тяжелый транспортный вертолет, с двумя турбинами по несколько тысяч сил каждая, способный нести бронетранспортер на внешней подвеске и несколько десятков готовых к бою бойцов, десантный отсек у него как комната в квартире, даже больше... это воздушный линкор, на него почти не действует никакой ветер... и его не могло просто так встряхнуть, ни сильно, ни слабо, вообще никак. Но его встряхнуло, потом, в следующую секунду загорелась мигающая, красная, аварийная сигнализация в десантном отсеке и заработал пулемет по правому борту. А потом что-то взорвалось, прямо под брюхом вертолета, с такой силой, что пол ударил по ногам, он изо всей силы схватился за натянутый трос для парашютного десантирования. И Аскер почувствовал, что вертолет падает...

Когда он пришел в себя, прошло несколько лет. Или несколько дней. Или несколько минут. Но все переменялось – быстро и страшно...

Он лежал на боку. И перед носом был искореженный борт вертолета.

Со всех сторон барабанило. Какой-то безумный барабанщик играл марш войны, барабанщик был, наверное, пьян, потому что получалось сумбурно и разноголосно. Алюминиевая броня, которой был обшит спасательный, предназначенный для действий за линией фронта

вертолет, выдерживала попадания многочисленных пуль и пока не пробивалась – а вот гранатометы она уже не держала...

Аскер помнил, как его учили – первым делом, не подавай вида, что ты пришел в себя, – это ты всегда успеешь. Второе – выясни, кто рядом с тобой, друзья или враги. Третье – попытайся понять, цел ты или ранен, и как сильно...

Второе. Надо понять, кто вокруг тебя. Друзья или уже враги...

– *Правый борт, с правого борта идут!*

– *Ракета!*

– *Уходи оттуда, уходи оттуда!*

– *Б... снайпер на крыше, одиннадцать часов!*

– *Я ранен, б..., я ранен!*

Свои...

Третье. В последнее время у солдат появилась травма, которой раньше не знали... подрыв бронированной машины на фугасе вызывал мгновенный сильный удар снизу, все солдаты в этот момент получали переломы обеих ног и становились небоеспособными: в связи с этим полы в бронемашинках срочно покрыли толстым слоем упругой, двухслойной резины. В данном случае взрыв произошел в воздухе, не на земле, видимо, это как-то самортизировало удар – ноги были целы. И все остальное, наверное, тоже – они шли в бой, защищенные новейшими костюмами с вставками из кевлара и высокомолекулярного полимера, плюс разгрузочный жилет, который если не пулю, то осколки остановит.

Значит, относительно цел.

Аскер перевернулся на бок. Зашарил вокруг в поисках спасительной, холодной, вороненой стали. Четвертое – оружие. Найди себе любое оружие. Найди свое, возьми оружие товарища, если оно ему уже ни к чему, подбери трофейное, укради, если есть возможность украсть, купи – если есть возможность купить. Пока у тебя есть оружие – даже если ты потерял форму, знаки различия, все документы, средства связи, – но пока у тебя есть оружие – ты солдат. И ты должен сражаться...

Пальцы наткнулись на пряжку быстрого сброса ремня. Поверить невозможно... это как же должно было рвануть. Ремни поменяли недавно, прицепили новые, удобные, трехточечные. Чтобы проверить – висели на них на турниках со спортивным поясом, еще и подтягивались...

Но оружия нет благодаря этому дурацкому ремню с пряжкой быстрого сброса.

Кто-то осветил его фонарем, от этого ослепило непривычные к яркому свету глаза.

– Цел? Держи и не высывайся!

На грудь упало что-то небольшое, увесистое. Он машинально ощупал... да, оружие. Автомат из набора для выживания, таких несколько в каждом спасательном вертолете – можно использовать самим, можно сбросить потерпевшему аварию летчику вместе с комплектом выживания, если нет возможности подобрать его сейчас. Автомат маленький, короткий, увесистый, не предназначенный для долгого пехотного боя, но удобный и дающий возможность жестко огрызнуться...

Аскер откинул приклад, посмотрел в прицел – три точки светились лунным светом...

Ну, гады...

Очередь трассеров пролетела прямо над ним, над головами, по салону вертолета, он машинально сел, взял на прицел автоматчика и выстрелил. Автоматчик, пробравшийся на выгодную позицию, осел, а Сашка вдруг понял, что вертолет в падении или при ударе раскололся надвое. И головы вертолета он не видит, вместо нее – черная дыра, ночь и вспышки выстрелов...

Надо вставать...

На четвереньках он прополз вперед, занял позицию, прикрывая то направление, которое не было прикрыто, – как его и учили, без лишних слов и команд. Потряс головой, пытаясь прийти в себя и оценить обстановку...

Они упали на пустыре... значит, их сбили задолго до цели, цель находилась в западной части Пешавара. Интересно, как вообще вычислили их маршрут, ведь это не так просто сделать. И чем сбили вертолет, ведь он бронированный, с дублированием, а в некоторых случаях и двойным дублированием всех критически важных систем. Чем можно было так ударить по вертолету, что он раскололся напополам – кроме устаревшего зенитного орудия крупного калибра?

А впрочем, это сейчас неважно...

Две ракеты – одна за другой – ударили в борт вертолета, оставляя рваные дыры и осыпая защитников этой обреченной крепости гарью и осколками.

– Ракеты справа!

Проснулись...

Аскер тоже стрелял... перевел автомат на одиночные и бил по вспыхивающим в ночи огонькам, и думал, что это не напрасно. Точнее – он был уверен в том, что это не напрасно, потому что напрасно – это поднять руки и напрасно потратить весь остаток своей жизни. Пощады в плену не будет, это знали обе стороны...

Он пихнул того стрелка, что отстреливался рядом с ним.

– Кто командует?

– Снегирь! Сейчас канонерки подойдут!

Кто такой Снегирь – Аскер не знал, а может, и забыл. Делать было нечего – и он просто стрелял и стрелял...

Потом – может, через несколько минут, а может – через несколько часов, видимые дымные следы прочертили воздух, и там, где были вспышки выстрелов врага, встали черно-желтые облака разрывов. Поднявшиеся с авианосца самолеты-штурмовики выполняли операцию прикрытия, нанося удары управляемыми ракетами, каждая из которых могла разрушить небольшой дом. Десантных судов не было, вертолетов огневого прикрытия тоже – поэтому штаб на авианосце применял то, что есть, – весомую, грубую и зримую силу, которую в большинстве случаев применяли на чужой земле, а не на своей. Они увидели, как рушится, складываясь на глазах, какое-то здание, как от огня становится все светлее и светлее. Потом появились еще самолеты, вторая волна, они начали сбрасывать бомбы небольшого калибра и охотиться на противников с помощью своих скорострельных пушек. Стандартным вооружением истребителя является тридцатимиллиметровая пушка с осколочно-фугасными снарядами и сумасшедшей скорострельностью – за несколько секунд в цель уходит сотня снарядов. Поставив режим огня на фиксированные очереди, пилоты пикировали на огневые точки врага – казалось, что с неба били молнии, а на земле разражался сущий адский котел, в котором не могло уцелеть ничего живое...

Потом появились вертолеты...

Это были пятьдесят девятые «Сикорские», канонерские и вертолеты ЛМД¹⁵. Их, видимо, собрали со всей УАГ, выскребя дочиста погреба. Канонерские вертолеты, которые могут нести как противокорабельные, так и обычные противотанковые ракеты, нанесли еще один удар,

¹⁵ *Лодочного и минного дозора* – специфические вертолеты, предназначены для охраны УАГ (ударной авианосной группировки) от мин и нападения с использованием взрывающихся катеров – смертников или малых торпедных катеров (тактические единицы Японского императорского флота), также для борьбы с пиратством. На таких вертолетах ставят радары, дополнительные баки и сильное пушечно-пулеметное вооружение. Есть в экипаже и снайперы. Не путать с вертолетами противолодочного дозора – у них совсем другие задачи.

подавив еще огрызающиеся огневые точки противника точными ударами ракет, а вертолеты ЛМД сели полукругом. Их было три, и они должны были забрать убитых и выживших.

Стрелять уже не стреляли. Тела грузили в вертолеты... восемь погибших, хуже некуда, они даже не приступили к исполнению боевой задачи. Погиб экипаж вертолета, погибли спецназовцы и морпехи. И результат вылазки – ноль.

Ноль...

Аскер, уже нашедший в мешанине металла, кевлара и негорючих защитных матов свой автомат, подошел к спорящим у вертолетов людям. Просто услышал, что спорят, а подойдя ближе – услышал и их голоса:

– Вы что – шутите, майор?

– Ну нет приказа. Признано слишком опасным, мы два вертолета потеряли. Вы что, – не понимаете?

– Не понимаю! И не хочу понимать трусость!

– Вы забываетесь!

– Нет, это вы забываетесь! Когда это мы оставляли без помощи своих, а?

Аскер толкнул одного из морпехов локтем, привлекая внимание:

– О чем спор?

– Второй вертолет тоже сбили, – шепотом ответил он, – в районе цели, они почти дошли. Там их что тараканов. Наносить авиаудары запрещено, посланная на выручку спасательная команда сама едва не погибла. Массированные пуски управляемых и неуправляемых ракет, им едва удалось уйти. Штаб запретил все летные операции в этом районе, подняты беспилотники, послан полицейский конвой – но когда он дойдет...

Сашка это понимал более чем, потому что помотался по местным улицам, посмотрел, что здесь творится. Люди живут очень скученно, толпа собирается в любое время суток и по любому поводу – на драку, на скандал, на победу любимой команды по крикету, линчевать кого-то. Полно фанатиков, у многих дома хранится оружие – севернее есть места, где его производят в каждом доме. Блокировать в узких улицах колонну – проще простого, даже с постоянной поддержкой с беспилотников ее не проведешь. Многие из-за жары, духоты и вони спят на крышах, на свежем воздухе – а для того, чтобы поджечь бронемашину, достаточно бросить сверху пару бутылок с бензином и мылом. Да, наземная колонна никогда не достигнет цели...

Если только...

– Господа! – сказал Аскер. – Господа, а что, если мы пройдем тихо?

Двое офицеров уставились на него.

– Ты кто, парень, обзовись.

– Я Аскер. Город знаю. Местное шмотье у меня есть, у других – тоже. Найдем машины, вскроем и вперед. Пройдем запросто – и зачистим зону к вашему прибытию.

– Нам не хватало только вас искать.

– Господа, в городе двадцать миллионов душ обретается. Думаете, все всех знают? Машины найдем местные. В таком бардаке – кто нас остановит? Мы сможем провести доразведку зоны, подобрать и обезопасить посадочные площадки. Навести на цели, если это будет нужно. И если там кто-то еще сражается – мы поможем им продержаться до утра...

Порт Карачи Ночь на 24 августа 2016 года

Город не спал...

Только тот, кто жил в восточных городах и видел это собственными глазами, знает, как быстро собирается толпа, как быстро в ее руках появляется оружие – от камней и намалеванных транспарантов до автоматов и гранатометов. И как быстро начинают убивать.

Оказалось, что они упали на пустыре, тут должно было быть строительство, но оно так и не началось. Верней, началось, но не закончилось, только небольшая часть нового огромного жилого квартала-муравейника была заселена, большая же часть зданий стояла построенная наполовину, и в основном ущерб пришелся на них. В пыли, в дыму, среди криков они продвигались вперед, навьючив на себя огромные мешки со снаряжением, с боеприпасами для длительного боя и понимали, что достаточно одного яростного крика, и их толпа разорвет на куски. Даже оружие не поможет.

Потом они вышли на улицу, что-то горело, и в этом неверном свете, в дымном тумане им удалось найти и вскрыть две подходящие машины. Теперь они были не бойцами морской пехоты. Они были еще одной бандой, передвигающейся по городу...

Город, несмотря на размеры, не выглядел цивилизованным. На улицах была толпа, кое-где уже переворачивали машины и поджигали мусор и крыши. Очевидно, в толпе были опытные подпольщики, организаторы беспорядков и провокаторы. Они знали, что первое, что в таких случаях надо сделать, – как можно сильнее задымить город.

Полицейские джипы и пикапы, в кузовах которых в вырезанных из труб большого диаметра защитных коконах стояли пулеметчики – были видны во многих местах, но полиция откровенно не вмешивалась в происходящее, и ее как бы не замечали. Опять-таки Восток – здесь отдают такие приказы, которые ничего не стоит выполнить, и такие приказы выполняются, но только для вида, чтобы не оскорблять начальство. Никто из полицейских не встанет грудью на пути разгула озверевшей толпы, это вам не русские и не немцы. Такие беспорядки здесь происходят часто, иногда не по разу в год. Здесь это как рождественская распродажа в цивилизованных странах – год торгуют по повышенным ценам, чтобы перед Рождеством снизить их в разы. Так и тут – сначала люди терпят, унижаются (а Восток стоял и стоит на унижении), а потом вдруг взрываются, и нищий феллах берет старую винтовку или гранату и бросается на броневики регулярной армии. Погибнет – плевать, потому что шахиду – рай. Здесь это не простые слова...

– Смотри, спереди!

Они увидели машину – небольшой, бортовой, длинноносый грузовик, кажется, «Лейланд». В кузове вооруженные люди...

– Давай за ними, они знают куда.

– А если заметят?

– Пусть заметят. Здесь полный бардак, подумают, что мы одни из них.

Два автомобиля присоединились к «Лейланду». Сидевшему на правом переднем передали ручной пулемет, чтобы держать их на прицеле.

На следующем – начали сворачивать. Тут же стоял полицейский пикап, полицейские глядели на явных бандитов равнодушными глазами.

– Сволочи...

– Тут разница, брат, понимать надо. Наш Государь сказал – брать деньги и не служить стыдно, а знаешь, что Аллах сказал?

– А?

- Чему быть, тому параллельно. Иншалла.
- Ха-ха...
- Хватит ржать, собрались...

Было видно уже место перестрелки, мельтешащие впереди фигуры. Они вступали на вражескую территорию, где на каждого из них будет по пятьдесят, по семьдесят врагов. О таких боях слагают песни и легенды, они остаются в истории... вот только никому в этих двух машинах в прошлом остаться не хотелось.

- Я выйду...
- Сиди...
- Господствующая высота. Поддержу оттуда.
- Спецназовец всегда принимает решения сам и сам за них отвечает.
- Двигай. Обосрешься, ждать не будем.
- Спасибо за напутствие...

Это был завод. Завод старый, какие раньше можно было размещать в черте города, потому что требовалось много рабочей силы. Собственно говоря, города и возникали – сначала как рабочие трущобы возле этих заводов, потом эти трущобы сливались в единое пятно, и возникал город. Теперь в том же Нью-Йорке бывшая шляпная фабрика служила для размещения мэрии города¹⁶, но здесь... здесь все еще требовалась рабочая сила и все еще у рабочей силы не было денег, чтобы приобрести машину и ездить на ней на работу. Так что старые промышленные монстры здесь выжили, они стояли прямо посреди города бастионами грубого, примитивного промышленного прогресса – и людям впечатлительным они могли показаться воротами в ад.

Но Аскер впечатлительным не был.

Ища, где бы ему забраться наверх, он вдруг увидел поразительную картину – и хорошо, что он увидел это прежде, чем они увидели его. Рядом шел бой – а здесь, несколько... то ли воинов Аллаха, то ли еще каких – собрались рядом с горящим мусором в бочке... поразительно, но такая картина, достойная самых мрачных и отсталых уголков Африки, была здесь, в центре двадцатимиллионного города! Часть из них сидела, к чему-то прислонившись, часть стояла, они передавали по кругу здоровенный косяк и явно были довольны жизнью. И все бы ничего – но они мешали пройти. Даже если бы не было света от раскалившейся докрасна бочки – он бы прошел, но свет был.

Один из моджахедов встал, потянулся. Стало видно – у него автомат.

Аскер нажал на спусковой крючок пистолета-пулемета – и не отпускал его до тех пор, пока не выпустил весь магазин. Отдачи почти не было, пистолет-пулемет ровно как швейная машинка, выплюнул все пятьдесят патронов из длинного магазина, и все моджахеды, или кто там они были, легли ровно там, где и были. Ровной строчкой, можно сказать. А вот нехрен разгуливать с оружием в зоне боевых действий! И если уж разгуливаешь – то нехрен терять бдительность, курить дурь и расслабляться, не выставив часовых.

Заслужили – получите.

Он сменил позицию и выждал... если кто-то догадался занять позицию рядом, в темноте – то он так и ждет, пока потерявший бдительность из-за только что одержанной чистой победы «урус шайтан» выйдет под неверный свет костра... а вот не выйду! Но и ждать тоже не приходилось... он слышал, что сверху и правее, совсем рядом – на верхних этажах стреляют. И надо было торопиться – так что он, как мышь, проскользнул к двери.

Дверь. Толкнул глушителем... большое помещение, ряды шкафчиков – чисто. А вон там – лестница.

¹⁶ На самом деле это не так. Бывшая шляпная фабрика стоит напротив здания ООН.

Ну-ну...

Он начал подниматься по лестнице. По его прикидкам – стреляли где-то этаже на третьем.

И нарвался на моджахеда...

Это был старый и опытный моджахед – на вид ему было лет сорок, а до такого возраста доживают очень и очень немногие. На нем была черная повязка с шахадой – символ смертника или амира, у рядовых бойцов они зеленые – и автомат, который он нес на сгибе руки. Борода у него росла во все стороны, он был похож на выросшего гнома своим массивным телом и короткими ногами. Волосы тоже были не стрижены как минимум год, и зловоние, исходящее от тела бандита, чувствовалось даже здесь...

Бандит стоял на посту.

Другой бы открыл огонь. Но не Аскер, у него нервы были крепче – он просто продолжил подниматься по лестнице.

– Салам алейкум, аскер... – сказал моджахед, затягиваясь козьей ногой. Судя по запаху – в козьей ноге был отнюдь не табак.

Сам того не зная, моджахед назвал Сашку Борецкова точно так же, как и его покойный крестный, полковник по Адмиралтейству Багаутдинов, – Аскером. Теперь он был дважды крещеный – и командиром и врагом.

– Ва алейкум ас салам, эфенди... – почтительно ответил Аскер на том же языке, поднимаясь по ступенькам.

– Где пулемет взял, аскер? – спросил моджахед, кивая на ручной пулемет и на короба на ремнях, которые Сашка тащил на себе.

– Там, внизу...

– Это хорошо... – Зрачки моджахеда уже расширились от воздействия наркотика. – Хвала Аллаху, сегодня мы хорошо повоевали, убили много русских собак. И Иншаллах завтра уьем еще больше...

– Да... – сказал Аскер.

Он был уже совсем близко – и даже одурманенный наркотиком моджахед почувствовал неладное. Его глаза сузились, он подозрительно посмотрел на стоящего рядом молодого, бородатого парнишку, совсем не чувствующего тяжелого груза на плече.

– Э, бача... а ты откуда? Тебя Салимбек послал? Ты из отряда Салимбека?

– Я – русский.

Моджахед осел, булькая перерезанным горлом. Аскер метнулся в дверь, откуда он появился, перехватывая автомат.

Боевиков в большом, пустом коридоре было шестеро, они били из окон, и только один из них смотрел в этот момент на дверь, возможно, что-то услышал или просто так получилось. Аскер нажал на спуск автомата и свалил моджахеда, смотрящего на дверь, а потом перерезал по спинам остальных, прежде чем они успели что-то понять. Моджахеды попадали у разбитого пулями витража, как колосья под серпом...

Дальше двадцатилетний боец действовал обдуманно, хладнокровно и смертоносно – точно так, как его учили. Первым делом он обезопасил позицию – заминировал гранатой труп моджахеда, еще одну мину-ловушку – она с лазерным детонатором – поставил в дверях, перевернул стол и поставил позади нее – чтобы вся взрывная волна ушла в коридор и ударила по тем, кто сунется на лестницу. Еще одной миной он обезопасил другой конец коридора, к ней привалил труп моджахеда – чтобы создать направленную ударную волну.

Все трофейное оружие он быстро собрал и расставил так, чтоб схватить и стрелять. Снайперскую винтовку поставил рядом с собой, пулемет в конце коридора – запасная огневая позиция с собственным пулеметом. Из тел моджахедов соорудил что-то типа баррикады, набро-

сав одно на другое. На подоконниках положил два – на всякий случай – маячка, чтобы, когда подойдут вертолеты, его не приняли за врага.

У зарезанного им бородача он забрал рацию. Поставил на прием и положил рядом. Выкрутив громкость до максимума.

Положил пулемет цевьем на окно, прицелился. Цели долго искать не пришлось – вон они. Несколько человек на крыше какого-то здания, кажется – отряд с ракетными установками.

Он нажал на спуск – и длинная очередь разметала их по крыше, как кегли, сбитые умелым ударом шара...

Следующая цель. Группа противника с пулеметом укрылась за большой грузовой машиной. Он стрелял до тех пор, пока машина не вспыхнула.

В радиации раздался истерический крик:

– Барак! Барак, это Самуил! Куда ты бьешь, куда ты бьешь, ты по своим бьешь! Не стреляй направо!

Ага, значит – попало...

Он повернул пулемет. Пулеметная точка, плещущее из окна пламя. Интересно – бронбойными пробьет или нет?

Он открыл огонь, стена моментально покрылась дырами, пулемет замолк. Значит, плохо строили – стена тонкая, рассчитанная только на лето.

Снова мучительный крик в эфире, на чужой частоте:

– О, Аллах... меня ранило, ранило! С башни бьет!

– Барак, во имя Аллаха, отзовись! Ты бьешь по своим, ты бьешь по своим...

По своим... это хорошо...

Новые цели. На крыше. Это за ним – или нет?

Кто бы они ни были – их уже нет...

Бандиты из блокирующей группы, а также и те, которые ехали на «Бедфорде» или там «Лейланде»... по-видимому подкрепление, – так и не поняли, что произошло.

Вертолет упал в промышленной зоне, и, видимо, сам завод, сама территория была изнутри разгорожена на функциональные зоны, здесь были ворота и были проходные. Все это одноэтажное, длинное и широкое здание с несколькими дверьми, расположенными через равные промежутки – использовалось боевиками и как укрытие, и как баррикада для стрельбы. Машина остановилась, бандиты начали выпрыгивать на землю, готовясь к бою – а трое, наверное, амир с двумя телохранителями, направились к присоединившимся к ним машинам. Они не ждали подвоха... машины были гражданские, а те, кто в них находился, в темноте выглядели вроде как боевики. Этот амир просто не привык, ждать удара в спину, он привык, что это его город и все вокруг – за него. Вот только это был уже русский город, а некоторые спецназовцы уже сменили обычные магазины на девяностоместные барабаны, которых у каждого было по два на случай чрезвычайных обстоятельств.

Под густым шквальным огнем из остановившихся машин полегли все и разом. Тени рванулись к зданию, внутрь – полетел черный цилиндр.

– Бойся!

Ослепительная вспышка, грохот. Летит на землю каким-то чудом уцелевшее стекло. Скупые, деловитые очереди зачистки...

– Слева чисто!

– Справа чисто!

– Давай связь.

– Как его?

– Снегирь-два...

– Снегирь-два, Снегирь-два, это спасательная команда. Мы на Западе, не стреляйте на Запад, повторяю – не стреляйте на Запад...

Связи не было.

– Бей: три – три – три.

Обычный для таких случаев сигнал: три тройки. Один из спецназовцев меняет магазин (у каждого есть один магазин, набитый только трассирующими), посылает одну за другой три короткие очереди. В ответ в их сторону начинает бить пулемет.

– Вот ублюдок.

– Еще дать?

– Нет. Выставимся здесь и вызовем помощь отсюда. Занять круговую оборону, использовать машины как укрытия...

Аравийское море

Ударный авианосец «Екатерина Великая»

В то время пока в Карачи пытались собрать из осколков разбившейся вдребезги операции что-то путное, на «Екатерине Великой» решали, как быть.

Это только в фильмах – пошлют на выручку истребители-бомбардировщики, которые пробомбят путь к эвакуации. В реальности офицер, принявший такое решение, поплатится погонами.

Дано: город с населением более двадцати миллионов человек, находящийся под контролем России менее пяти лет и до этого никогда русским не бывший. Население – враждебное, значительная часть исповедует агрессивный ислам деобандистского толка. В городе полно оружия. В том числе тяжелого – когда англичане драпали отсюда, оружие они оставили, возможно умышленно. Как бы то ни было – все разошлось по рукам и сейчас стреляло в русских. Район распоряжением оперативного дежурного в Главном штабе был закрыт для полетов...

Все частоты освободили под работу с десантной группой, находящейся у земли. На катапульты поставили два самолета с управляемым ракетно-бомбовым вооружением. Самое разное – от бомб с наведением по системе «Легенда» до управляемых ракет, наводимых по лазеру с земли. Общий вес тринадцать тонн – достаточно для всего...

По уставу корабельной службы на катапульте должен постоянно стоять хотя бы один самолет, вооруженный ракетами воздух – воздух, готовый к немедленному взлету, – это нужно было для обеспечения возможности самообороны корабля. Тот факт, что авианосец не держал в воздухе ни единого самолета, свидетельствовал о том, что ситуация чрезвычайная.

Дежурный офицер разбирался со старшим по званию офицером спасательной экспедиции. Офицер был из морской пехоты, с БДК.

– Так... еще раз. То есть вы хотите сказать, что один или несколько бойцов десантной группы не подчинились прямому приказу и выдвинулись в город пешком, я вас правильно понял, подтвердите?

– Никак нет, точнее, не совсем так... – офицер был латышом по национальности и общаться с ним подчас было трудно. – Они взяли трофейные машины и уехали на них.

– То есть вы допустили это, я правильно понимаю?

– Никак нет, точнее, не совсем так. Среди них были старше по званию, я не мог ослушаться...

– Господи боже...

Только тот, кто реально занимался боевым управлением, мог понять сейчас дежурного. Это только на словах все красиво кажется – не бросили своих, отправились на выручку. А в реальности это выглядит так: город, причем официально не объявленный враждебным, ночь, отсутствие заранее проведенной разведки, плюс к этому бой и находящаяся в районе собственная боевая группа, никак не отмеченная, «дикая», которая может попасть под огонь своих же запросто. Еще одна переменная в уравнении, в котором ничего, кроме переменных, и нет.

– Господин кап-два, я не понял приказа.

– Приказ – нейтрализовать упавший летательный аппарат, забрать аппаратуру связи, ответчик свой-чужой, забрать всех выживших, тела погибших – и уматывать оттуда к чертовой матери. Вам понятен приказ? Подтвердите.

– Так точно, понятен...

Несколько вооруженных автоматами бородачей поднимались по лестнице, по той самой, по которой несколько минут назад прошел русский одиночка. Они поднимались так, как под-

нимаются бойцы жандармерии, полицейского спецназа – искушенные в тактике боя в помещениях, в прохождении лестниц, они поднимались не торопясь, осторожно, страхуя друг друга. Они и в самом деле были если и не профессионалами, то уж полупрофессионалами точно. Это были бывшие служащие «индийской полиции», то есть параллельной полиции, набираемой англичанами. Германцы называют это «вспомогательная полиция». После того как пришли русские – они в один день уволили всю вспомогательную полицию, а потом начали набирать ее заново. Эти аттестацию не прошли, и немудрено: нет худшего хозяина, чем бывший раб, а они-то достаточно поиздевались над людьми. В итоге они перешли с оружием на службу наркомафии, а теперь решили свести счеты с русскими. Нет, они не были фанатичными верующими, по крайней мере, не больше, чем остальные. Просто здесь грань между любовью и ненавистью, между законом и беззаконием очень тонка. Они ее и перешагнули.

– Дверь!

Первый стрелок так и остался контролировать ее, второй – стал первым.

– Убитый!

Да, на площадке лежал убитый, и из-под него натекло достаточно крови...

– Не двигайся! Держать дверь!

Амир выдвинулся из-за спин подчиненных, подошел к труп, присел на корточки. Осторожно начал прощупывать под ним, пальцы наткнулись на что-то. Очень осторожно он отколол с воротника английскую булавку, миллиметр за миллиметром добрался до гранаты, крепко обхватив ее, вынул, вставил булавку на место.

Все.

Шедший вторым боец направился к двери по лестнице...

– Стоять! Стоять!!

Боец застыл на месте.

– Посмотри – дверь заперта или нет? Очень осторожно, не вздумай открыть.

Боец поднялся к двери...

– Не заперта...

– Что-то слышно?

Боец прислушался:

– Ничего, эфенди...

Амир почесал бороду:

– Привяжи веревку и спусти ее конец мне. Очень, очень осторожно. Потом спускайся сам. Не вздумай дернуть веревку.

Другие бы уже вломились в помещение. Но эти знали, что делали...

Моджахед сделал так, как было сказано.

– Аллах Акбар... – сказал амир, когда они спустились на пролет вниз, провел руками по щекам и изо всей силы дернул за веревку.

Им сначала показалось, что здание сейчас рухнет на них.

Мина направленного действия с лазерным детонатором среагировала на движение мгновенно и взорвалась. Семьсот стальных шариков – готовых осколочных элементов и несколько сот граммов пластиковой взрывчатки. Разлетаясь веером, осколки вынесли дверь, в хлам изрешетили стены. Зона поражения была почти сплошная. Страшно было бы подумать, что было бы, если бы они находились там, на лестнице.

Воистину Акбар...

– Ты идешь первым. Включить фонари.

Так как изначально они были полицейскими, а не военными – на их оружии, на каждом автомате, было пластиковое цевье с фонарем. У военных такого не было, некоторые носили фонарь, приматывая его скотчем к цевью, если надо, к примеру, осмотреть пещеру.

Лучи фонарей прорезали мутную пелену дыма. Под ногами похрустывали обломки бетона и мельчайшие щепки, в которые превратилась дверь. Было тяжело дышать, кто-то закашлялся...

– Тише...

Двери не было. Вместо нее – лишь пролом, мутное облако не дает видимости...

– Пошел!

Сразу двое бойцов, один за другим – прошли дверной проем, первый развернулся влево, второй держал под контролем «право и вперед».

Лучи фонарей скрестились на присыпанных пылью телах на полу – они были похожи на уродливые мешки...

– Шайтан вах калле... – изумленно выдохнул один из бойцов.

Трупы были аккуратно сложены в рядок у стены. Прямо над ними по-арабски (они были урдуязычными, но знали и арабский из медресе) было написано пожелание... в общем, обычное русское пожелание, услышав которое человек восточный хватается за нож.

Амир зашел, быстро огляделся...

Стекла выбиты, весь пол, как ковром, усыпан гильзами, у одного из окон – опираясь прикладом о пол, а сошками о подоконник – стоял пулемет.

Русский исчез.

Автоматная очередь ударила по стене, одна или две пули попали в окно, с визгом от ricochetили. Боевики пригнулись, ругаясь последними словами. Амир схватился за рацию.

– Сах, Сах... Я на последнем этаже, брат. Не стреляй...

– Что там?

– Все наши стали шахидами. Русист скрылся.

– Шайтан, никого в живых не осталось?

– Никого, брат. Русист всех убил.

– Хорошо. Уходи оттуда, тела заберем позже...

– Бисмилля! – раздался громкий голос.

Амир резко обернулся – один из трупов, перемазанных кровью, в пыли, в рваной одежде, не лежал, а сидел у стены. У него была борода, как у правоверного, одежда как у правоверного, и в каждой руке было по пистолету.

Во имя Аллаха...

– У нас есть картинка, господин капитан, птичка входит в зону. До контакта пять – четыре – три – два – один... контакт.

На экране появилась нечеткая, белесая картинка.

– Что это такое...

– Дым, господин капитан. Они жгут крыши...

– Мать их...

Было видно хаотичное перемещение толп по улицам – ночь, но город не спал. Стреляли, причем чаще всего стреляли хаотично и черт знает в кого. Наверное, под шумок уже начались погромы...

– Попробуйте определить место падения второго вертолета.

– Есть.

– И отстройте картинку.

– Господин капитан, спецсвязь. Кабул.

Кабул. Только этого еще не хватало...

– На связи, Антарес. Дежурный, капитан второго ранга Бобриков.

– Кабул, центр управления, позывной Метель. Передаю связь...

– Антарес, мы получаем картинку. Здесь Метель.

Капитан узнал голос – заказчик, тот самый адмирал, про которого шум идет по всему флоту. Тот, группа которого достала-таки генерала Абубакара Тимура. Видимо, решил, что тут так же будет. А оно раз – и не свезло...

Вот и так тоже бывает...

– Так точно.

– Вопрос – ваши предложения по ситуации...

А вот это интересно. Капитан ждал чего угодно – ругани, приказаний, которые надо непременно исполнить и от которых, скорее всего, будет только хуже. Но не этого спокойного вопроса...

– Так точно, предложения. Место падения первой птички – нейтрализовано. Спасательная команда возвращается на БДК, примерно в пределах двадцати минут. За это время мы подготовим вторую команду и отправим ее немедленно, как только это будет возможно и как только мы установим вторую точку падения.

– Что им мешает сбить третий вертолет? Если сбили первые два?

– Вертолеты пойдут с разведкой, мы дадим канонерский вертолет.

– Это может не сработать. Кто-то ждал те два вертолета. А в городе мятеж. Есть другое предложение. Это подготовленные люди. Надо сбросить им грузовой контейнер, используя для этого реактивный истребитель-бомбардировщик. После чего пусть занимают любую выгодную позицию и ждут утра. Ваша задача – поддержать их огнем, работая по их целеуказаниям. Я свяжусь с казаками, проведем туда конвой. Сейчас это безопаснее.

– Поддержать огнем, подтвердите?

– Так точно, поддержать огнем. У вас должны быть ударные средства на авианосце.

– Но... на применение нужна санкция Главморштаба.

– Я даю вам санкцию. Зафиксируйте это в журнале приказов.

– Есть...

Однако... Бить по своему же городу. Это все равно – «однако»...

– Господин капитан, похоже, есть. Второе место падения...

Потерявшие инициативу и несколько десятков человек из-за неожиданного и жестокого удара в спину – террористы собрались вновь. У них было преимущество – большая часть ночи впереди и целый разбуженный, разъяренный город. Они могли позволить себе ЛЮБЫЕ потери – ведь каждый из тех, кто погибнет, станет шахидом и попадет в рай, а оставшиеся будут мстить и за него. Круговорот зла продолжится...

Но русские, заняв оборону и вгрызаясь в остатки здания, стреляли на удивление метко, экономно – и все больше и больше тех, кто решил добить-таки упавший вертолет, и те, кто в нем выжил, становились шахидами на пути Аллаха.

Поскольку Карачи был объявлен городом порто-франко, то есть свободным городом с особым правовым статусом, – в черте города не было никаких военных баз, никаких русских сил. Но отсутствие их в черте города не значило, что русские были совсем беззащитны и безоружны.

Ближайшая русская казачья часть располагалась всего в трех километрах от города на восток. Там и в самом деле были казаки, хотя на самом деле она прикрывала разведцентр, работающий по региону, и особую группу, цель которой – наладить отношения с белуджами, презираемым и преследуемым при англичанах этническим меньшинством. В отличие от местных урдуязычных жителей – белуджи имели собственный язык, свой вариант ислама и родственников по ту сторону границы, в Персии. Изначально благодарные русским за то, что дали возможность соединиться с родственными родами за границей, имеющие свой вариант ислама, в корне отличающийся от бытующего здесь деобандизма, – они могли послужить основой для

строительства некоего нового, единого государства, которое будет благодарно русской короне и останется под ее вассалитетом в любом случае. А это ни много ни мало – огромные запасы природного газа у самого берега и один из крупнейших торговых и военных портов мира: в целом там побережье настолько удобное, что можно его все застроить портами. Тот же Гвадар – рыбацкий порт, подходящий для строительства военной базы с возможностью базирования там ударных авианосцев.

Казаки выбрали себе площадку недалеко от города, подгадав так, что можно было легко выйти на сеть основных магистралей – и споро возвели типовые полевые укрепления, наполнили землей армированные стальной проволокой мешки, завезли технику. Сейчас там была едва ли не казачья бригада полного состава. Командовал бригадой войсковой старшина, кавалер Ордена Святого Георгия трех степеней Петр Велехов.

Получив сигнал о перестрелке, казаки оказались в седле за двадцать минут. Именно через столько времени первый конвой из двенадцати бронированных машин выдвинулся из расположения...

Казак второго года службы Тимофей Прошкин был родом с Дона, с Вешенской – а оказался здесь потому, что сам попросился куда-нибудь в экзотическую страну. Вот его и отправили – к прославленному Велехову, который и в Польше побывал, и в Аравии, и в Йемене, и в эмирате Джебель-Шаммар (название-то какое, и не выговоришь сразу), и в Персии отслужил. Одностаничник, земляк, в беде не оставит. На деле получилось так, что Велехов едва глянул на него и кивнул уряднику – гоняй дюжей. А урядник и рад стараться...

Это место для жизни было совершенно невозможное. Болотины... от болот запах дюже тяжелый. Реки... это тебе не Дон, прохладный и тихий, в котором рыбы немерено, – тут реки больше похожи на грязевые потоки. Комары – а вместе с комарами и малярия, на родине только старики и помнили, что это такое. И люди – он так до сих пор не мог уяснить, как могут в одном месте жить столько людей! Да у них и земли-то нет, чтобы пахать!

Понятно, почему они такие злые...

Кто-то ткнул его, аккуратно в задницу.

– Готов? Вояка?

Чернов. Третьего года службы – а считает себя чуть ли не есаулом. И прикапывается все время, гад...

В их машине – восемь посадочных мест, а не двенадцать. Это потому, что машина не транспортная, а огневая прикрытие. Переделали их прямо тут, из того, что было. Когда англичане сматывались отсюда, они оставили здесь немало старой техники. А казаки все приспособят к делу, им только дай. Приглянулись кому-то авиационные пулеметы конструкции Браунинга – не пехотные, старые, какие у казаков еще встречаются, а именно авиационные, с повышенным вдвое темпом стрельбы. Вот полковые оружейники и сварганили за пару недель пулеметные установки для бронемашин: на один, на два и даже на четыре пулемета. Которую на четыре испытывали – решили пострелять по соседнему берегу, шарахнули, так войсковой старшина присел аж. Но так больше на одну сделали, патроны дюже жрет, а они дорогие...

Сейчас он сидел в грубо сваренной из бронелистов порезанной старой техники, но просторной башне и мрачно смотрел на взлетающие со стороны завода трассеры. Плечи напирались на обмотанные изолентой плечевые упоры – рога, а в бойницу торчал ствол старого, но мощного «БРЭНа». Их здесь столько нашли после англичашек-то, что старшина просто раздавал: хочешь таскать – на. Видать, англичашки сильно дюже драпали отсюда. Говорили, фронт за один день прорвали, с ходу...

И хреново то, что вторыми идут. Страшно. Хоть и не признаешься – позор на всю станицу, на весь род. У казаков так – как службу сломал, так потом и будешь.

Страшно... Ночная трасса была полупустой – в то время как из города был сплошной поток машин. Встревоженные индусы¹⁷ покидали город...

– К бою! – шоркнуло в рациях...

Казак перекрестился как сумел в тесноте башни, дернул затвор – с лязгом он встал на место, дослав первый патрон в патронник. Эту штуку со старого бомбардировщика сняли, там подача идет не лентой, а по проводу, и короб на целую тысячу патронов – под ногами путается. Ага... прицел. Прицел тут был старый, тоже с бомбардировщика...

– А не спеши ты нас хоронить... – затянул кто-то.

– Так... заткнулись, наблюдать за обочинами...

Но все уже пели...

А не спеши ты нас хоронить, А у нас еще здесь дела. У нас дома детей мал-мала, Да и просто хотелось пожить. У нас дома детей мал-мала, Да и просто хотелось пожить...

На повороте в город белый, небольшой хетчбэк выскочил наперерез казачьей колонне, пошел в лоб. Казак-водила шатнул головную машину в сторону отбойника – но местный не принял подарка: жизни. Ему нужна была смерть. Он давно отказался от своей жизни – а теперь хотел забрать еще несколько...

А... а... б...

Почему так башка болит. Не пил вроде. И не курил ничего... а она болит. Тут такая дрянь есть, укуришь – башка как чумная. Но тогда она не болит. А тут – болит...

Свет. Потом опять – темнота...

Потом опять свет...

Потом он вдруг понял, что лежит. И что что-то не так. Встать бы...

И он – на удивление ровно – встал. Точнее – сел...

Где-то рядом вяло перестукивались автоматы. Это была не пальба, как бывает, когда попадаешь в засаду, – а именно обстрел. Кто-то с дальнего расстояния постреливает, чтобы держать всех в напряжении, но перестрелкой это не назовешь...

Оказалось, он лежит у машины. Точнее – за машиной, между машиной и высокой бетонной стенкой, которая тут поставлена, чтобы местные не перебежали трассу где попало.

Его положили сюда для того, чтобы в него не попали пули. Наверное...

Он встал. Оружия не было. Впереди что-то дымно горело.

Он решил обогнуть машину сзади. В голове вроде прояснилось немного, хотя все еще она болела. И вкус крови во рту... неприятный такой. Как на Дону в зиму дрались станица на станицу, так ему два зуба и вынесли. Тогда так же было.

Казак Тимофей Прошкин обогнул бронемашину и увидел танк.

Самый настоящий танк, типа «Челленджер-2». Его тоже англичане бросили. А казаки подобрали. В Европе уже нет таких, танков нет вообще, есть универсальные гаубицы. Потому что танк с танком воевать не должен. А здесь единственная угроза для танка – это ракетчики с противотанковыми гранатометами. Да мины. Как раз вот для таких дел – танк в самый раз будет.

А танков они нашли целых четыре штуки. Англичане утопили один в болоте, а дернуть остальными тремя не додумались. Видать, драпали дюже. Аккурат сотник Денисов и нашел. Если бы не он – и хрен был кто затевался с ними, сдали бы на металлолом, да и все. Танк... дело такое, он ухода требует. А сотник загорелся – он-то срочку в бронекавалерии ломал. Выта-

¹⁷ Понятия Пакистан не было, было название «Северо-Западная пограничная провинция». Так что – индусы.

щили, притащили в расположение. Один на запчасти пришлось пустить, а три на ходу были. И транспортеры были. «Скамвеллы», здоровущие. На четыре оси.

Как раз в это время Денисов с кем-то лаялся по рации. Закончил сакраментальным: «да и е. твою мать!», отключил связь, обернулся, вызверился на Прошкина.

– Чего шляешься?! Фамилия, казак!

– Прошкин... Это... раненый я.

– В ж... раненый боец, он уже не молодец. Специальность?

– Пулеметчик я.

– О! Не было гроша, да вот алтын. Пойдешь на пулемет. Как раз дело по специальности...

На танке он ездил второй раз. Точнее – первый, один раз на броне. Так-то у них Выстрелы были.

А пулемет был знакомый. Почти такой же – пехотный «М2»¹⁸ североамериканского производства. Только короба тоже пехотные, на пятьдесят. Но зато стоять можно.

Танк тяжелый, дюже здоровый, как черепаха. От земли за три метра. Они как раз сползли с платформы – пониже стало. Его место – слева, а Денисов справа сел. Петруху Огнева за рычаги посадили, он как раз с детства на тракторе – а тут никакой разницы.

¹⁸ Автору известно, что в нашем мире на британских танках применяют пулеметы только 7,62. Но это потому, что британцы редко применяли танки в локальных конфликтах – а тут они применяют их постоянно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.